ОИК

ЛВ чистая Му

Отк

Стр

А. Н. ШЛОССБЕРГЪ.

НАЧАЛО ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

ВЪ

РОССІИ.

(Историко-литературное изслѣдованіе).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

А. Н. ШЛОССБЕРГЪ.

НАЧАЛО ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

ВЪ

РОССІИ.

(Историко-литературное изслѣдованіе).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

Отд

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1911 годъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
1087344

I.

На прессу мы привыкли смотрѣть, какъ на руководящій органъ общественной мысли. Періодическая печать является не только выраженіемъ, но и создателемъ общественнаго мнѣнія страны. Но такой великой культурной силой пресса стала не сразу. Какъ звено общеисторической эволюціи, журналистика должна была пережить въ отношеніи состава, задачъ и способа распространенія ея органовъ цѣлый рядъ измѣненій, приведшихъ ее, наконецъ, къ настоящей ея формѣ. Могучая роль прессы, какъ арены для политической борьбы, сдѣлала ее, по выраженію Бисмарка, „шестой частью свѣта“. Но въ Россіи достаточно вліятельная политическая пресса народилась только недавно. Поэтому, если мы подойдемъ къ изучаемому нами вопросу съ нынѣшней точки зрѣнія, то датой рожденія русской журналистики придется, пожалуй, считать 1-е іюля 1857 г., когда возникъ заграничный листокъ опальнаго эмигранта. Къ мощному звону герценовскаго „Колокола“ чутко прислушивалось не только общество русское, но и наши высшія офиціальныя сферы: III отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, какъ извѣстно, присылало экземпляръ „Колокола“ въ редакціонныя комиссіи по крестьянскому вопросу для „заимствованій“ [1]). Кромѣ того, не надо забывать, что хотя текущая печать представляетъ особый видъ литературы, но мы встрѣчаемъ въ ней, на ряду съ спеціально ей принадлежащими чертами, общіе для всей литературы элементы. Такъ, напримѣръ, наши „толстые“ популярно-научные журналы являются какими-то энциклопедическими сборниками, соперничающими со школой и университетомъ и вытѣсняющими изъ

[1]) См. Журналъ Общ. Присутствія Редакц. Комис. за 23-е марта 1859 г., подъ № 6 въ I т. „Освобожденія крестьянъ“ Н. Семенова (С.-Пб., 1889 г.), стр. 113 и 114.

обращенія книгу. Въ прошломъ журнальное дѣло существуетъ въ качествѣ простого распространителя текущихъ извѣстій [1]). Эта функція и въ наше время составляетъ основной признакъ текущей печати. Но кромѣ этой объективной стороны, по словамъ Лебля [2]), въ современной журналистикѣ ясно выражена еще другая, субъективная сторона, что также служитъ яркимъ признакомъ періодической литературы. Современная пресса не только отмѣчаетъ, но и освѣщаетъ, истолковываетъ текущія событія; она учитъ, развиваетъ, пропагандируетъ тѣ или другія сужденія. Это руководительство въ задаваемыхъ жизнью вопросахъ составляетъ, такъ сказать, душу современной прессы и дѣлаетъ послѣднюю не только голосомъ, но и творцомъ общественнаго мнѣнія [3]).

Невольно является вопросъ: когда же присоединилась къ первой функціи періодической печати [4]), состоящей въ простой передачѣ свѣжихъ вѣстей, эта другая ея функція, функція распространенія не только вѣстей, но и идей? Э. Лебль, ссылаясь на римскіе „Acta diurna“ и на рукописные и печатные листки XV — XVI столѣтія, категорически утверждаетъ, что первыя проявленія журналистики вовсе не знаютъ субъективнаго, пропагандистскаго элемента; когда же въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи пресса приняла публицистическій оттѣнокъ, то послѣдній самими журналистами былъ встрѣченъ крайне недружелюбно; поэтому даже постоянныя газеты XVII вѣка не столько подъ давленіемъ властей, сколько благодаря добровольному воздержанію отъ оцѣнки извѣстій, были свободны отъ всякой тенденціи [5]). Однако, съ такимъ, хотя и

---

[1]) См., м. проч., Ludwig Salamon, „Gesch. des deutsch. Zeitungswesens von den ersten Anfängen bis zur Wiederaufrichtung des deut. Reiches“. I т. (1900 г.) стр. 4, 5, 43 и д.; его же очеркъ „Die Publizistik“, напечатанный въ „Spemans goldenes Buch der Weltlitteratur“, стр. 631—2 и сл. (Berl. und Stuttgart, 1904 г.); его же „Всеобщую исторію прессы“, стр. 4 и д. (приложенъ указатель литературы) (С.-Пб. 1908 г.); также Emil Löbl, „Cultur u. Presse“, Leipz. 1903 г., стр. 46, 48 и сл.

[2]) См. назв. соч., стр. 2, 22 и д.

[3]) Новѣйшія опредѣленія періодич. печати см. у Лебля, стр. 21, 22. О призваніи прессы см. очерки М. Меньшикова въ „Книжкахъ Недѣли“, за 1892 г., 4, 5, 6, 7; много замѣчаній объ этомъ также у Ив. Иванова въ „Исторіи русс. крит.“ (I т.). Анализъ сущности прессы, какъ одного изъ способовъ теоретическаго изученія дѣйствительности, сдѣланъ въ ст. Б. Кистяковскаго „Русс. соціолог. школа и категорія возможности при рѣшеніи соціально-этич. проблемъ“ (въ сбор. „Проблемы идеализма“), стр. 303—309.

[4]) Подъ терминами „період. печать“, „пресса“ и т. п. условимся понимать не только печатныя, но и рукописныя произведенія журналистики.

[5]) Тамъ же, стр. 46, 48—53.

довольно распространеннымъ, мнѣніемъ трудно согласиться. Прежде всего не является ли искусственнымъ подобное разграниченіе между освѣдомительной функціей, съ одной стороны, и пояснительной, съ другой? Вѣдь субъективное отношеніе къ регистрируемымъ событіямъ, на что въ другомъ мѣстѣ указываетъ и самъ Лебль [1]), можетъ выражаться и помимо прямого къ нимъ комментарія, именно путемъ самаго изложенія или подбора фактовъ, или простого ихъ замалчиванія.

Римскіе „Acta diurna“ или „A. populi“,—не будемъ здѣсь вдаваться въ подробности,—въ самомъ дѣлѣ, были простой публикаціей городскихъ новостей; правительственныя распоряженія, извлеченія изъ сенатскихъ преній, рѣшенія народныхъ собраній, пожары, свадьбы, сраженія, городскіе анекдоты, смертные случаи и тому подобное — вотъ тѣ „дѣянія дня“, которыя записывалъ классическій листокъ новостей [2]). Однако, нельзя сказать, чтобы въ этихъ зародышевыхъ вѣдомостяхъ совершенно отсутствовало публицистическое начало. Въ „Акты“ попадали отчеты о засѣданіяхъ сената, и публикованіе во всеобщее свѣдѣніе этихъ извѣстій, какъ мы знаемъ, служило орудіемъ въ рукахъ Цезаря для борьбы съ могущественнымъ учрежденіемъ [3]). Кромѣ того, римскія вѣдомости подлежали строгому контролю [4]), особенно во время имперіи, слѣдовательно, сообщали опредѣленный кругъ свѣдѣній, при чемъ, какъ замѣчаетъ Бюхеръ [5]), неудобное для правительства замалчивалось. Такимъ образомъ, древняя газета не была вовсе лишена того, что мы называемъ направленіемъ. Что касается предшественниковъ регулярной прессы, извѣстныхъ подъ названіемъ „Avisi“, „Zeitungen“, „Relationen“, „News Letters“, „Nouvelles à la main“, „Neue Zeitungen“ и т. д., то они, представляя главнымъ образомъ сухой перечень различныхъ извѣстій, не избѣгали, однако, и комментировать, въ извѣстномъ духѣ, передаваемыя ими свѣдѣнія, несмотря

---

[1]) Тамъ же, стр. 74 и 75.

[2]) См. „Римск. истор.“ Момзена (изд. Солдат.), т. III, стр. 527; „Газеты у древнихъ римлянъ“ А. Малеина, изд. „Библіографа“, С.-Пб. 1893; „Очеркъ истор. книги“ А. Кирпичникова въ „Пантеонѣ Литер.“ за 1888 г., т. III, стр. 12; W. Teufels „Gesch. der Römisch. Litterat.“ (Leipzig, 1890 г., т. I), стр. 453; сбор. „Періодич. печать на Западѣ“ (компилятивнаго характера), изд. „Образов.“ (С.-Пб. 1904 г.), стр. 2—8.

[3]) Малеинъ; назв. соч., стр. 4, 5.

[4]) Theod. Mommsen, „Röm. Staatsrecht“, Leipz. 1888 г., т. III, стр. 1018.

[5]) Карлъ Бюхеръ, „Происхожденіе газеты“ (С.-Пб. 1896), стр. 9, или см. „Возникновеніе народ. хозяйства“, С.-Пб. 1907 г., вып. II (тл. о період. печ.).

на жестокія преслѣдованія со стороны правительствъ. Отмѣтимъ еще, что уже одно обнародованіе нѣкоторыхъ извѣстій могло служить публицистическимъ цѣлямъ [1]). Еженедѣльныя газеты XVII столѣтія, какъ извѣстно, тоже ограничивались самымъ сухимъ изложеніемъ фактовъ, что опять-таки объясняется „независящими причинами“ [2]). Но несмотря на исключительныя цензурныя мѣры, въ нѣмецкихъ, напримѣръ, газетахъ того времени, какъ справедливо замѣчаетъ компетентный изслѣдователь германской прессы, нѣтъ-нѣтъ да и проявится политическая точка зрѣнія автора [3]). Вотъ образчикъ подобной критики, встрѣченный нами въ курантахъ за 1621 г., представляющихъ собою переводъ съ иностранныхъ газетъ.

„Въ Гаге, мудрая книшка печатана, именуетца Дедукціонъ нулитатумъ, а въ ней описуетъ, какъ цысарь“ (германскій императоръ Фердинандъ II) „Чешского короля“ (Фридриха Пфальцскаго) „проклиналъ, и то проклинанье во всю свою область разослалъ. Печатана въ полкахъ у князя Ораненскаго лѣта отъ Рожества Христова 1621-го іюня въ 5 день“ [4]). Напомнимъ, что и въ XVIII столѣтіи цензурныя гоненія именно были причиною того, что повседневная печать въ большей части Германіи не отражала общественнаго мнѣнія и давала, можно сказать, одни только факты [5]).

Такимъ образомъ, общепринятое мнѣніе о томъ, что періодическая печать на первыхъ порахъ своего существованія была не болѣе, какъ простой передатчицей различныхъ текущихъ новостей и даже не претендовала на иную роль, требуетъ существенной оговорки. Факты ясно говорятъ намъ о томъ, что рядомъ съ задачей удовлетворять естественной человѣческой потребности быть au courant самыхъ свѣжихъ происшествій, пресса уже въ первыя минуты своей жизни обнаруживаетъ стремленіе придавать нѣкоторое освѣщеніе отмѣчаемымъ событіямъ, до извѣстной степени осмысливать послѣднія, такъ или иначе путемъ передаваемыхъ извѣстій управлять общественнымъ мнѣ-

---

[1]) *L. Salamon*, назв. соч. (I т.), стр. 5, 13 и сл.; Карлъ Бюхеръ, „Происхожд. газ.“, стр. 15, 17, 25, 27.

[2]) *L. Salamon*, тамъ же, стр. 43—50; его же „Всеобщ. истор. прессы“, стр. 16, 68—71, 79, 80 и др.

[3]) *L. Salamon*, стр. 48.

[4]) См. копію курантовъ 1621 г., им. въ Импер. Археогр. Комиссіи (въ С.-Пб.), стр. 5, скл. 9. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что извѣстіе это изъ Амстердама, т. е. протестантскаго города.

[5]) О Герм. прессѣ 18 ст. см. Karl Biederman, „Deutschland im XVIII Jahrhund.“ (1880 г.), т. I, стр. 115 и слѣд.

ніемъ. Правда, эта вторая ея задача, родившаяся изъ столь же естественной, врожденной человѣку потребности въ взаимномъ общеніи, долгое время пребываетъ въ зародышѣ, не идетъ далѣе самыхъ робкихъ, неумѣлыхъ попытокъ; но важно отмѣтить, что уже въ первыхъ опытахъ журнализма замѣтны начатки той черты возмужавшей періодической литературы, которая сдѣлала послѣднюю, по выраженію А. Трачевскаго, „великой формой публичнаго собесѣдованія сознательныхъ обществъ“ [1]).

II.

Вопросъ о происхожденіи русской прессы у насъ до настоящаго времени лишь слегка затрагивался. Лучшіе изслѣдователи русской литературы, какъ это ни странно, этимъ вопросомъ вовсе не занимались. Такъ, въ монументальномъ изслѣдованіи о петровской эпохѣ Пекарскаго, или въ классическомъ трудѣ по исторіи русской литературы академика Пыпина вопросъ о началѣ русской періодической печати вовсе обходится. Имѣя же въ виду вообще тѣ работы, которыя касаются даннаго вопроса хотя бы только мимоходомъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ русской литературѣ, научной и популярной, на происхожденіе нашей прессы существуетъ два основныхъ взгляда. По мнѣнію однихъ, своимъ появленіемъ на свѣтъ Божій русская журналистика обязана исключительно Петру Первому. До Петра въ русскомъ быту не замѣчается никакихъ слѣдовъ того, что напоминало бы періодическую литературу. Петръ въ отношеніи прессы произвелъ насъ въ „бытіе“, пересадивъ ее съ Запада уже въ готовомъ видѣ. Русская періодическая печать, въ противоположность европейской, явилась не изъ потребности въ ней общества, но была искусственно создана великимъ преобразователемъ, издавшимъ 16-го декабря 1702 года указъ о печатаніи первой русской газеты: „по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежитъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, а для печати тѣхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ приказахъ, о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ приказовъ въ Монастырской приказъ, безъ мотчанія, а изъ Монастырскаго приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатной дворъ“ [2]).

---

[1]) См. „Новую Исторію“ проф. А. Трачевскаго, т. I, стр. 558.

[2]) См. въ Полн. Собр. Зак., т. IV, стр. 201, подъ № 1291 именной указъ „о печатаніи газетъ для извѣщенія оными о заграничныхъ и внутреннихъ происшествіяхъ“.

Во исполненіе этого указа и возникъ первенецъ русской прессы, первый номеръ котораго вышелъ 2-го января 1703 года.

Такимъ образомъ, отъ петровскихъ „Вѣдомостей“, явившихся вдругъ по волѣ великаго государя, слѣдуетъ вести начало нашей періодической печати. До этой хронологической даты, да и долгое время послѣ нея, у русскаго общества не было никакой потребности имѣть прессу, т. е. потребности слѣдить за текущими происшествіями, за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается, говорится и думается на бѣломъ свѣтѣ, и доводить обо всемъ этомъ до общаго свѣдѣнія. Такъ отвѣчаютъ послѣдователи изложеннаго взгляда на вопросъ, „откуда есть пошла русская пресса“ [1]). По другому воззрѣнію, русская пресса началась еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ формѣ, такъ называемыхъ, „курантовъ“, т. е. рукописныхъ переводовъ и извлеченій, преимущественно изъ разныхъ иностранныхъ газетъ, составлявшихся въ посольскомъ приказѣ съ 1621 по 1701 г. для царя и его приближенныхъ. Въ этихъ старинныхъ до-петровскихъ вѣдомостяхъ, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и слѣдуетъ видѣть первое выраженіе русской журналистики [2]).

Относительно перваго мнѣнія слѣдуетъ замѣтить, что оно — голословное и ненаучное, такъ какъ совершенно не считается съ историческими фактами. Современное состояніе исторической науки и въ частности положеніе вопроса о Петровской реформѣ позволяютъ считать вполнѣ установленнымъ, что великій преобразователь былъ, въ сущности, лишь завершителемъ старыхъ порядковъ русскаго быта. „Наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи“; поэтому Петръ I „является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру“ [3]). Пет-

---

[1]) См. *Г. В. Балицкій*, „Зарожд. період. печати въ Россіи“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за сент. 1908 г. и отд., стр. 7, 8, 30, 34, 36; *Н. Энгельгардтъ*, „Оч. ист. рус. цензуры въ связи съ развитіемъ печати“ (С.-Пб. 1904), стр. 327, 329 и сл.; *Н. Лисовскій*, „Період. печ. въ Россіи 1703—1903. Статистич.-библіогр. обозр. період. печ.“ (С.-Пб. 1903), стр. 5, 6. „Сб. статей по исторіи и статистикѣ р. пер. печ. 1703—1903“, изд. Рус. Библіограф. Общ. (от. изъ журн. „Лит. Вѣст.“), С.-Пб. 1903, стр. 29, 153; *А. И. Кирпичниковъ*, „Очеркъ истор. книги“ (въ „Пант. Лит.“, 1888 г., т. III, стр. 63); *М. Лонгиновъ*, „Новиковъ и моск. мартин.“ (М. 1867), стр. 19, и друг.

[2]) См., между проч., *А. Н. Неустроевъ*, „Истор. розысканіе о рус. повр. издан. и сбор. за 1703 — 1802 г.“ (С.-Пб. 1875), стр. XVIII; *А. Покровскій*, „Къ исторіи газеты въ Россіи“, во II вып. „Вѣд. времени Петра Вел.“ (М. 1906), стр. 11, 12. Литература о курантахъ будетъ ниже подробно указана.

[3]) *С. Соловьевъ*, „Исторія Рос. съ др. врем.“ (М. 1871), т. 14-й, стр. 98.

ровская реформа была подготовлена во всѣхъ сферахъ русской жизни. По словамъ проф. Ключевскаго, московскіе государственные люди XVII вѣка „не только создали атмосферу, въ которой выросъ и которой дышалъ преобразователь, но и начертали программу его дѣятельности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шедшую даже дальше того, что онъ сдѣлалъ“ [1]). Если, такимъ образомъ, для преобразовательныхъ плановъ Петра I во всѣхъ областяхъ народной жизни, и въ частности, какъ это показали спеціальныя изслѣдованія, въ области литературной [2]) существовали уже раньше данныя, то уже a priori трудно допустить, что изданіе Петромъ газеты было дѣломъ совершенно новымъ и неожиданнымъ, дѣломъ „личнымъ, принадлежащимъ одному Петру“. Ближайшее изученіе настоящаго вопроса подтверждаетъ этотъ апріорный выводъ и приводитъ насъ къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: 1) Петръ I имѣлъ предшественниковъ въ газетномъ дѣлѣ; 2) заведеніе Петромъ періодической прессы (употребляя здѣсь это слово въ его этимологич. значеніи) было дѣломъ „народнымъ“.

III.

Данныя, которыми располагаетъ наша литература о курантахъ, если не считать тѣхъ свѣдѣній, которыя о нихъ сообщаетъ въ своемъ очеркѣ А. Покровскій, совсѣмъ ничтожны; эти данныя до того скудны и большею частью неточны, что не даютъ рѣшительно никакого представленія о предшественникахъ петровской газеты. Послѣднее обстоятельство, слѣдуетъ замѣтить, является главной причиной популярности вышеизложеннаго перваго взгляда на происхожденіе русской прессы, отрицающаго существованіе въ до-петровское время не только самой прессы, но и всякой потребности въ ней. А между тѣмъ представители этого (да и второго взгляда) въ изучаемый нами первоисточникъ почти не заглядывали.

Въ печати едва ли не впервые появляются свѣдѣнія о курантахъ

---

[1]) Курсъ рус. исторіи, ч. III (М. 1908 г.), стр. 473.

[2]) См. *П. Пекарскій*, „Наука и лит. въ Россіи при Петрѣ В.“, т. I, стр. 197—210, 315—323 и сл.; *Пыпинъ*, „Ист. рус. лит.“, т. III (соотвѣт. главы); *А. Соболевскій*, „Перевод. литерат. Моск. Руси XIV — XVII в.“ С.-Пб. 1903, гл. II (также въ Сб. отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. 74, № 1) или „Зап. вліяніе на лит. Моск. Руси XV—XVII в.“, С.-Пб. 1899; *И. Шляпкинъ*, „Св. Дмитрій Ростовскій и его вр.“ (С.-Пб. 1891), стр. 66 — 100 (о перев. лит. XVII в.); опись собр. иноязыч. книгъ и рукописей пос. приказа 1696 г. въ изслѣд. С. Бѣлокурова „Библіот. Моск. госуд. въ XVI ст.“, стр. 66—80 (Сбор. моск. архива м. ин. д., вып. 6-й).

въ 1827 г., сообщенныя А. Я. Булгаковымъ въ статьѣ, посвященной вопросу о годѣ изданія печатныхъ „Вѣдомостей“ [1]). Булгаковъ, по его собственнымъ словамъ, состоялъ на службѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, что давало ему возможность „дѣлать изысканія въ семъ древнемъ отечественномъ хранилищѣ драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ“ [2]). Но курантами онъ, въ сущности, мало занимался; сообщаемыя имъ фактическія данныя касаются лишь внѣшней исторіи курантовъ, да и эти данныя недостаточно полны; кромѣ того, Булгаковъ, знакомый, очевидно, только съ нѣкоторой частью курантовъ, неправильно считаетъ послѣдніе не чѣмъ инымъ, какъ переводами и выписками изъ современныхъ европейскихъ газетъ. Самымъ цѣннымъ въ этой статьѣ является приведенный авторомъ перечень иностранныхъ повременныхъ изданій, получавшихся въ Россіи съ 1631 по 1762 г. [3]). Статья Булгакова не осталась забытой. Позднѣйшія сочиненія, въ которыхъ упоминается о курантахъ, обыкновенно только повторяютъ замѣчанія Булгакова. Такъ, А. К. Фабриціусъ въ своемъ сочиненіи „Почта и народное хозяйство въ Россіи, въ XVII столѣтіи“ (С.-Пб. 1864) [4]), не дѣлая никакихъ указаній на Булгаковскую статью, пересказываетъ, однако, всѣ ея данныя, относящіяся къ курантамъ, и даже заимствуетъ изъ нея цѣликомъ вышеупомянутый списокъ иностранныхъ газетъ и журналовъ [5]). Мыслями, и даже словами, Булгакова воспользовался также А. И. Неустроевъ въ своемъ „Историческомъ розысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.“ (С.-Пб. 1875) [6]). Нѣкоторыя изъ указаній Булгакова находимъ мы, напримѣръ, въ „Исторіи Россіи“ С. Соловьева [7]) и въ „Очеркахъ по исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій“ (С.-Пб. 1889) Л. Н. Майкова [8]): оба они повторяютъ его неточное опредѣленіе курантовъ, какъ рукописныхъ извлеченій изъ европейскихъ газетъ.

---

[1]) „Отвѣтъ на библіографическій вопросъ“. „Московскій Телеграфъ“, 1827 г., ч. XVI, отд. I.

[2]) Назв. статья, стр. 5.

[3]) Тамъ же, стр. 20—27.

[4]) Представл. перепечатку въ дополн. въ видѣ его „Записки о началѣ почты въ Россіи“, помѣщ. въ „Эпохѣ“, 1864 г., X; или см. „Zur Geschichte des russischen Postwesens“ въ „Baltische Monatsschrift“, Bd. 12, Hft. 3, Sept. 1865, Riga.

[5]) См. стр. 82—91 (въ „Balt. Monat.“, стр. 191—194).

[6]) См. введеніе, стр. XVIII.

[7]) См. кн. III, стр. 1349 (изд. Общ. Пользы).

[8]) См. „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“, стр. 377.

Изъ трудовъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ отрывочныя замѣтки о курантахъ, назовемъ еще слѣдующіе: „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи“ (С.-Пб. 1837) [1]), „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII в.“ И. Забѣлина (М. 1862) [2]), „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.“ П. Пекарскаго. Этимъ изслѣдователямъ, повидимому, осталась неизвѣстной статья Булгакова, такъ какъ они неправильно относятъ первое появленіе курантовъ лишь ко временамъ Алексѣя; Пекарскій, впрочемъ, ограничился ссылкой на свидѣтельства иностранцевъ [3]). Изъ цѣлаго ряда другихъ сочиненій, въ которыхъ говорится о курантахъ, достаточно указать введеніе къ перепечаткѣ „Первыхъ Русскихъ Вѣдомостей, печатавшихся въ Москвѣ въ 1703 году“ (С.-Пб. 1855) [4]), и „Очерки изъ русской журналистики“ А. Пятковскаго [5]), дополняющіе незначительными подробностями тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Булгаковъ; слѣдуетъ прибавить, что ихъ авторы свои замѣчанія о курантахъ изложили довольно сбивчиво.

Обозрѣніе литературы о курантахъ не оставляетъ сомнѣнія, что курантами у насъ серіозно не занимались; на нихъ рѣдко кто подробно останавливался; обыкновенно о нихъ упоминается только мимоходомъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя о нихъ, крайне скудны и неточны. Въ большинствѣ статей, посвященныхъ вопросу о курантахъ, не видно никакихъ слѣдовъ документальнаго знакомства съ ними. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что куранты до сихъ поръ остаются неизданными: въ печати до настоящаго времени появились только небольшія выдержки изъ курантовъ, изданныя по позднимъ спискамъ [6]). Вслѣдствіе ихъ малодоступности для изученія, куранты до сихъ поръ еще не вызвали отдѣльнаго изслѣдованія, и только въ самое послѣднее время, благодаря очерку „Къ исторіи газеты въ Россіи“ А. Покровскаго, у насъ впервые появились въ общемъ вѣрныя и довольно полныя свѣдѣнія о до-петровской газетѣ.

---

[1]) См. ч. I, стр. 49.

[2]) Ч. I (М. 1862), стр. 295 или въ изд. 1895 г., стр. 373.

[3]) См. т. I, стр. 198 и 199 и т. II, стр. 105.

[4]) Стр. 3—9; отмѣчаемъ, что съ этой статьей представляетъ значительное сходство брошюра Н. Ширяева: „Начало газетнаго дѣла въ Россіи“. Одесса. 1876 г.

[5]) См. „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“ (С.-Пб. 1888), ч. II, стр. 12, 13.

[6]) См. Куранты 1682 г. въ „Лѣтоп. занят. археограф. комисс.“, вып. IV. (С.-Пб. 1868), отд. II, стр. 56—60; куранты 1655 и 1665 г., сообщен. Забѣлинымъ, въ „Чтен. въ Имп. Об. исторіи и древ. росс. при Моск. унив.“, 1880 г., кн. II.

Но до детальнаго изученія вопроса еще очень далеко. Мы, съ своей стороны, не можемъ себѣ здѣсь ставить подобной задачи; кромѣ того, даже въ той области, которою мы ограничили свое изслѣдованіе, имѣющійся у насъ запасъ свѣдѣній не является исчерпывающимъ: ближайшему выясненію литературной физіономіи курантовъ мѣшала ограниченность матеріала, бывшаго въ нашемъ распоряженіи.

Въ основу своего изслѣдованія о курантахъ положили мы неизданную копію части курантовъ, сдѣланную въ 1901 г. кн. Н. В. Голицынымъ по порученію археографической комиссіи. Эта копія, въ 3-хъ тетрадяхъ, содержитъ въ себѣ значительный матеріалъ: во-первыхъ, древнѣйшія, дошедшія до насъ, рукописныя вѣдомости за 1621 годъ, носящія слѣдующее заглавіе: „Переводы съ вѣдомостей, присылаемыхъ изъ Польши о разныхъ въ Европѣ военныхъ дѣйствіяхъ и мирныхъ постановленіяхъ, а отъ кого присланы не означено“ (тетрадь № 1, всего 59 стр., или 14¾ л.); во-вторыхъ, куранты за періодъ отъ 1642 по 1644 г. (тетрадь № 2, 31 тетрадка, по 6 листовъ каждая, всего приблиз. 380 стр.,—есть тетр. и въ 4, 7, 8 л.—или около 95 л.); въ-третьихъ, куранты за 1643—1644 г. (съ небольшимъ числомъ извѣстій отъ 1642 г.) подъ заглавіемъ: „Переводы съ печатныхъ и письменныхъ иностранныхъ вѣдомостей, присланныхъ изъ Риги и Пскова, также съ писемъ, поданныхъ на Посольскомъ Приказѣ шведскимъ агентомъ Крузбіорномъ, касательно разныхъ при иностранныхъ дворахъ происшествій“; къ русскому тексту приложено нѣсколько сотвѣтствующихъ номеровъ слѣдующихъ нѣмецкихъ оригиналовъ за 1643 г.: „Particular, Post-Hamburger und Reichs-Zeitung“, №№ 26, (13½ стр.), 27 (14 стр.) и 28 (12 стр.); „Wochentliche Zeitung“, №№ 37 (переписано только 2 стр.) и 38 (9 стр.); „Post-Zeitung“, № 37 (9 стр.); нѣмецкая газета безъ заголовка № 37 (8½ стр.). Тетрадь № 3, такимъ образомъ, составляетъ 216 стр. или 54 листа. Кромѣ копіи археографической комиссіи, подъ руками у насъ было еще собраніе курантовъ, оригиналовъ со списками XIX столѣтія, хранящееся въ Академіи Наукъ (рукоп. № 32. 14. 11) и состоящее, считая одни оригиналы, изъ 85 переплетенныхъ листковъ, столбцоваго формата.

Трудно сказать, когда эта коллекція, о существованіи которой ученой публикѣ, по всей видимости, неизвѣстно, поступила въ академическое книгохранилище; можно только отмѣтить, что въ „Росписи книгамъ и рукописямъ Россійской Академіи“ (С.-Пб. 1840), на стр. 155, подъ № 18 значится: „Куранты или вѣдомости, подаваемыя по утру и въ вечеру царю Ѳеодору Алексѣевичу, 1686 г.“(?).

Вотъ перечень вѣдомостей академическаго собранія: переплетъ № 1, содерж. на 3 л. куранты 1684 г.; перепл. № 2 изъ 17 л.—куранты 1684 г.; перепл. № 3 изъ 13 л.—куранты 1684 г.; перепл. № 4 изъ 20 л.—кур. 1675 г.; № 5 изъ 7 л., № 6 изъ 3 л. и № 7 изъ 22 л.; куранты послѣднихъ трехъ №№ не имѣютъ годовъ, но по содержанію слѣдуетъ отнести кур. №№ 5 и 6 къ 1680-мъ, а кур. № 7—къ 1630-мъ годамъ. Приложенные къ оригиналамъ списки не свободны отъ искажающихъ смыслъ текста погрѣшностей. Было бы интересно выяснить, насколько рукопись академіи наукъ пополняетъ пробѣлъ вѣдомостей, сохранившихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и обнимающихъ, съ перерывами, время отъ 1621 по 1700 годъ [1]).

Къ сожалѣнію, относящіяся сюда данныя относительно столбцовъ названнаго архива, остающагося главнымъ мѣстомъ храненія курантовъ, не приведены Покровскимъ въ извѣстность.

IV.

Когда возникли куранты, извѣстные также подъ названіемъ „столбцовъ“, такъ какъ они писались столбцами, т. е. на подклеенныхъ другъ къ другу продолговатыхъ листахъ, длиною въ нѣсколько саженъ [2])? Обыкновенно полагаютъ [3]), что куранты впервые появились въ 1621 г., такъ какъ столбцы, хранящіеся въ моск. архивѣ, начинаются именно съ этого года. Однако, есть данныя, указывающія, что куранты, главнымъ источникомъ для которыхъ, какъ увидимъ ниже, служили западныя газеты, могли возникнуть и ранѣе 1621 г.

Еще съ конца XV в. появляются у насъ переводы летучихъ листковъ и газетныхъ статей, сообщавшихъ европейской публикѣ о военныхъ событіяхъ, открытіи новыхъ земель, землетрясеніяхъ, наводненіяхъ и вообще выдающихся новостяхъ [4]). Такова, напр., повѣсть о жестокомъ молдавскомъ воеводѣ Дракулѣ, старшій списокъ которой относится къ 1490 г., или „Преніе живота со смертію“ (отрывокъ летучаго листка XV или нач. XVI в., старш. списокъ нач. XVI в.), описаніе землетрясенія, бывшаго въ 1524 г. въ „Стреми странѣ

---

[1]) См. „Вѣд. времени П. В.“, вып. II, стр. 12, 27.

[2]) См. *Терещенко*, „Опытъ обозр. ус. санов.“, ч. I, стр. 49.

[3]) *Неустроевъ*, „Истор. розыск.“, стр. XVIII; *Майковъ*, „Оч. изъ ист. рус. жур.“, стр. 377; *Покровскій*, „Къ истор. газ. въ Рос.“, стр. 12.

[4]) См. *А. Соболевскій*, „Перевод. литер. Моск. Руси XIV—XVII в.“, стр. 45, 46.

угорьской, между Дуная и Савы рѣки", извѣстія о завоеваніяхъ турокъ и проч. [1]).

Слѣдовательно, московское правительство, въ рукахъ котораго находилось переводное дѣло [2]), могло давно носиться съ мыслью о составленіи рукописныхъ вѣдомостей по иностраннымъ образцамъ. Это покажется болѣе вѣроятнымъ, если припомнить нѣкоторые факты изъ области дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Западомъ.

Покровскій говоритъ, что куранты были вызваны къ жизни практическими нуждами государства. „Первыя газеты служили, такъ сказать, въ помощь къ донесеніямъ пословъ" [3]). Но слѣды такого интереса къ политическимъ извѣстіямъ изъ-за границы, который не удовлетворялся одними посольскими донесеніями, у московскаго правительства замѣчаются еще задолго до воцаренія Романовыхъ. Достаточно указать на слѣдующій любопытный фактъ: какъ видно изъ наказа великаго князя Ивана Васильевича III посламъ, отправленнымъ въ 1492 г. къ цесарю Максимиліану, и изъ статейныхъ списковъ этихъ пословъ, въ Любекѣ жилъ въ это время „Бартоломей Любчанинъ, печатникъ книжной", къ которому обращались всѣ, кто только пріѣзжалъ отъ цесаря „въ Люблинъ о каковомъ дѣлѣ"; этотъ расторопный печатникъ служитъ и великому князю и его посламъ „сколько можетъ", „каково дѣло государево ни придетъ къ нему"; между прочимъ, онъ переводитъ грамоту Максимиліана, писанную „по-нѣмецки, высокимъ языкомъ" [4]). Впослѣдствіи, при Михаилѣ, подобныя услуги оказываетъ русскому правительству, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, сотрудникъ курантовъ рижанинъ Юстусъ Филимонатусъ. Заграничные агенты въ родѣ Бартоломея, черезъ которыхъ Москва, такимъ образомъ, уже издавна слѣдила за западными событіями,—вѣроятно, и присылали въ Россію черезъ нашихъ пословъ и вообще при случаѣ тѣ рукописные и печатные листки, которые считаются предшественниками настоящей европейской прессы.

Если мы обратимся къ самому началу XVII в., то на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ можно предположить, что сами западные люди, въ это

---

[1]) Тамъ же, стр. 233, 236.

[2]) Тамъ же, см. гл. II о зап. вліяніи на литературу моск. Руси.

[3]) „Вѣд. времени П. В.", вып. II, стр. 36.

[4]) См. „Памятники дипломатич. сношеній древ. Россіи съ державами иностр.", т. I, (съ 1488 по 1594 г.), ст. 88, 104—106. Этимъ указаніемъ обязаны мы Н. П. Лихачеву. О любекскомъ типографщикѣ находимъ свѣдѣнія и въ иностр. источникахъ (см. ст. *С. Арсеньева* въ „Чт. въ Имп. Общ. Ист. Др. Рос." за 1909 г., кн. IV, стр. 17—20).

время уже насъ искавшіе, могли въ собственныхъ интересахъ доставлять русскому правительству свои газеты, чтобы держать Московію au courant своихъ текущихъ политическихъ событій. Въ 1603 г. въ Москву пріѣзжаетъ посольство отъ всѣхъ ганзейскихъ городовъ просить возстановленія торговыхъ льготъ, отнятыхъ у нихъ Швеціей въ 1595 г.; сношенія Любека съ Москвой продолжаются и при Шуйскомъ и Михаилѣ; флорентійскіе купцы еще при Борисѣ получаютъ право торговать въ главныхъ русскихъ гаваняхъ; при Лжедимитріи I самъ папа ищетъ торговыхъ привилегій въ Москвѣ [1]); въ его же царствованіе шведскій король Карлъ IX, изъ корыстныхъ видовъ, всячески навязываетъ русскимъ свою помощь противъ поляковъ, обращается даже съ зажигательными воззваніями къ чинамъ Московскаго государства; эта политика Карла, а затѣмъ Густава-Адольфа продолжается вплоть до Столбовскаго мира [2]); съ Москвой завязываютъ тѣсныя сношенія и другія народности, напр., голландцы, съ которыми Михаилъ Ѳеодоровичъ чуть ли не съ первыхъ дней своего царствованія вступаетъ въ переписку [3]). Имѣя въ виду всѣ эти косвенныя указанія, можно допустить, что первые опыты изданія курантовъ въ формѣ выписокъ и переводовъ изъ иностранныхъ газетъ были сдѣланы раньше,—насколько именно, трудно сказать,—того года, съ котораго принято вести ихъ начало. Куранты, во всякомъ случаѣ, врядъ ли явились вдругъ въ 1621 году: они, прежде всего, фактъ нашего общенія съ Западомъ, того медленнаго движенія, отъ котораго лишь при Петрѣ Великомъ, по словамъ Алексѣя Веселовскаго, начался переходъ „къ форсированному маршу“ [4]). То обстоятельство, что дошедшіе до насъ куранты начинаются только 1621 годомъ, насъ смущать не должно. Мы хорошо знаемъ, какъ много страдали наши древнія рукописи отъ времени, пожаровъ, войнъ и всякаго рода причинъ. Такъ, въ одинъ изъ московскихъ пожаровъ XVI ст. или во время смуты погибла извѣстная библіотека Московскихъ государей XVI в. [5]); въ 1612 г. поляки раскрали архивъ посольскаго приказа [6]);

---

[1]) См. объ этомъ у Форстена: „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст.“ (Спб. 1894), т. II, стр. 57—66.

[2]) Тамъ же, стр. 68—88, 119—150.

[3]) См. объ этомъ „Записки о Россіи XVII и XVIII в. по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ“ въ „Вѣст. Евр“. 1868 г., 1, 4, 8.

[4]) „Западное вліяніе въ новой рус. литературѣ“, (М. 1896), стр. 41.

[5]) См. изслѣдованіе Бѣлокурова „О библіотекѣ Московск. государей въ XVI ст.“; *В. Иконниковъ*, „Опытъ рус. исторіографіи“ (К. 1891), т. I, кн. I, стр. 108, 109;

въ большой пожаръ 3-го мая 1626 г. сгорѣла переписка Василія Іоанновича и Іоанна Васильевича съ французскими королями [1]).

Такимъ образомъ, если позволительно думать, что куранты существовали и ранѣе 1621 г., то эти древнѣйшія вѣдомости, несомнѣнно, постигла печальная участь; слѣдуетъ еще прибавить, что и то, что уцѣлѣло, мы имѣемъ, въ сущности, только въ обрывкахъ,—обстоятельство, тоже говорящее въ пользу нашего предположенія относительно времени перваго появленія до-петровской газеты. Но въ смыслѣ сколько-нибудь правильной доставки читателямъ свѣжихъ извѣстій, куранты развились не ранѣе 30—40-хъ годовъ, когда въ ихъ составъ вошли сообщенія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ: Россія въ то время начинаетъ вступать въ кругъ европейскихъ державъ.

Со времени учрежденія почты, куранты [2]) снова становятся не болѣе, какъ переводомъ изъ иностранныхъ газетъ; лишь изрѣдка, говоритъ Покровскій, попадаются въ нихъ донесенія разныхъ лицъ [3]). Иностранныя газеты получались теперь постоянно и періодически, и такъ какъ куранты, съ самаго основанія ихъ, слѣдили исключительно за тѣмъ, что дѣлалось на Западѣ, то они и могли довольствоваться однимъ этимъ источникомъ для своихъ извѣстій.

Первый опытъ устройства иностранной почты относится къ 1665 г.

Въ „Памяти изъ Государственнаго Посольскаго Приказа въ приказъ Большія Казны о времени учрежденія, дальнѣйшемъ распространеніи и дѣйствіяхъ почты въ Государствѣ Россійскомъ“, отъ 21 апрѣля 1691 г., мы читаемъ: по указу Алексѣя Михайловича, „держалъ почту съ прошлаго со 173 по 176 г. иноземецъ Иванъ фанъ Сведенъ, а ставилъ онъ чрезъ тое почту вѣдомости своими людьми и на своихъ лошадяхъ въ 2 недѣли въ Тайный Приказъ, а по договоруималъ отъ той почты по 1200 рублевъ на годъ“ [4]). Почта эта, какъ показываетъ договорная запись, „ходила отъ Москвы до Риги, а отъ Риги до Москвы“ [5]). Въ 1668 г. почтовая гоньба была пере-

---

см. еще *Н. Лихачевъ*, „Библіотека и архивъ Московскихъ Государей въ XVI ст.“ (Спб. 1894).

[6]) „Пам. Диплом. Сношѳ.“, I, стр. I, II предисловія.

[1]) См. Сбор. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, вып. I (М. 1880), стр. 63.

[2]) См. рукопись Академіи Наукъ № 32. 14. 11.

[3]) „Вѣд. вр. Петра В.“, вып. II, стр. 22.

[4]) См. „Собраніе Государств. грамотъ и договоровъ, хранящ. въ Госуд. Коллегіи иностр. дѣлъ“, ч. IV (М. 1828), стр. 629.

[5]) См. текстъ договорной записи со Сведеномъ у Покровскаго, стр. 20.

дана другому иностранцу—Леонтію Марселису съ тѣмъ, чтобы „той почтѣ быти черезъ Смоленскъ—на Вильню, а приходить въ недѣлю и быть той почтѣ на ямскихъ подводахъ“ [1]). Въ томъ же году Марселисъ, по порученію Ордина-Нащокина, заключилъ договоръ съ рижскимъ почтмейстеромъ, „который изо всѣхъ государствъ всякія вѣстовыя и торговыя письма принимаетъ и отпущаетъ, чтобы до Псковскаго рубежа еженедѣль изъ Риги отсылалъ“ [2]). Въ 1675 г. рижская и виленская почты переходятъ въ вѣдѣніе переводчика посольскаго приказа, Андрея Виніуса [3]). Такъ какъ первыя русскія почты были учреждены для сношеній съ заграницей, то наблюденіе за ними, по словамъ Н. Соколова, принадлежало посольскому приказу [4]), т. е. учрежденію, которое занималось составленіемъ газетъ, а не ямскому приказу — центральному органу, завѣдывавшему ямской гоньбой [5]). Однако строго регулярнымъ почтовое движеніе, какъ дѣло новое, становится лишь постепенно [6]). Тѣмъ не менѣе, если сравнить количество столбцовъ, сохранившихся въ архивѣ иностр. дѣлъ за періодъ 1621—1665 г., съ количествомъ столбцовъ, имѣющихся въ архивѣ и академіи наукъ за время отъ 1665 по 1700 г. [7]), то результатъ сравненія не оставитъ никакого сомнѣнія въ томъ, что газетное дѣло съ учрежденіемъ почты получаетъ у насъ сильный толчекъ къ развитію. Такимъ образомъ, исторія русской прессы,—такъ это было

---

[1]) См. „Память изъ Госуд. Пос. приказа“, стр. 629.

[2]) Тамъ же, стр. 629.

[3]) Тамъ же, стр. 631.

[4]) См. „С.-Пет. почта при Петрѣ В.“ (отд. отт. изъ „Почтово-Телегр. Журн.“ за янв., фев., мартъ и апрѣль 1903 г.), стр. 9.

[5]) См. *И. Я. Гурляндъ*. „Ямская гоньба въ Моск. гос. до к. XVII в.“ (Яросл. 1900), стр. 297 и т. д.

[6]) О почтѣ см. еще: *И. Ганъ*, „О почтахъ въ Россіи“ въ сбор. стат. свѣдѣній о Россіи, издав. статист. отдѣл. Имп. р. геогр. общ., кн. II (Спб. 1854), стр. 1—60; „Описаніе постепен. разв. почтовой гоньбы въ Россіи“, изд. Почтов. Департ., Спб. 1860; *А. Фабриціусъ*, „Почта и народ. хозяйство въ Россіи, въ XVII ст.“, Спб. 1864 или „Записка о началѣ почты въ Россіи“ въ „Эпохѣ“ 1864 г., 10; „Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи“, составл. Левинскимъ и Токмаковымъ, М. 1881; *И. Хрущовъ*, „Очеркъ Ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древн. временъ до царств. Екат. II“, Спб. 1884. См. также Терещенко: „Оп. обозр. ж. сановн.“, ч. I, стр. 48, 49, 231; *П. Милюковъ*. „Очерки по исторіи рус. культ.“ (Спб. 1900), ч. I, стр. 98—102, 123; *Н. Соколовъ*, „Ямская гоньба и почта въ рус. литературѣ“, отд. от. изъ „Почтово-Телегр. Ж.“ за авг., сент., окт. и нояб. 1900 г.

[7]) См. сравнительныя данныя у Покровскаго на стр. 27; расчетъ можетъ быть произведенъ только приблизительно.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

вездѣ,—тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ исторіей путей передвиженія. Однако нельзя утверждать, что до основанія почты не было ничего похожаго на подобную организацію по части полученія газетъ изъ-за границы: куранты за періодъ 1642—1644 г. даютъ прямыя указанія на существованіе уже въ то время болѣе или менѣе организованной доставки заграничныхъ вѣдомостей. Но это приводитъ насъ къ вопросу объ источникахъ нашихъ до-петровскихъ „листовъ".

V.

Главнымъ источникомъ, откуда бралось содержаніе для курантовъ, были иностранныя газеты. Какія именно періодическія изданія служили для этой цѣли? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти даетъ намъ составленный А. Булгаковымъ хронологическій списокъ газетъ и журналовъ, получавшихся въ посольскомъ приказѣ. По словамъ Булгакова, въ Россію выписывались всѣ „отборнѣйшіе и любопытнѣйшіе" изъ выходившихъ въ то время въ Европѣ періодическихъ органовъ [1]). Но его списокъ, къ сожалѣнію, начинается только съ 1631 года; къ тому же, онъ представляетъ голый перечень названій изданій, не содержащій никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ часто и въ какомъ количествѣ эти изданія доставлялись въ Россію и какими именно изданіями пользовался посольскій приказъ при составленіи курантовъ.

Слѣдуетъ еще прибавить, что въ Булгаковскомъ спискѣ встрѣчаются пропуски: въ немъ перечислены однѣ только печатныя газеты, но на основаніи надписей, встрѣчаемыхъ на русскихъ курантахъ, можно считать несомнѣннымъ, что и послѣ 1631 г. получались у насъ рукописные иностранные оригиналы: такъ, среди курантовъ за 1642—1644 г. находимъ такой заголовокъ: „Переводъ съ письменныхъ и съ печатныхъ съ немецкихъ листовъ вестовые, что присланы изо Пскова въ нынешнемъ во 152-мъ году ноября въ 22 день" (Копія Арх. Ком., тетр. № 2, тетрадка 9-я). Но и въ отношеніи печатныхъ періодическихъ изданій, получавшихся въ то время въ Россіи, приведенный у Булгакова перечень нельзя считать полнымъ: напр., подъ 1631 годомъ тотчасъ поставленъ 1646 годъ, а между тѣмъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ имѣются—онѣ были нами поименованы—нѣмецкія газеты за 1643 г.

Слѣдовательно, на основаніи этого списка не только невозможно установить, какія именно иностранныя газеты были источникомъ для

[1]) См. „Отвѣтъ на библіогр. вопросъ", стр. 20.

нашихъ курантовъ, но и нельзя указать весь тотъ газетный матеріалъ, который въ извѣстный періодъ державъ Москву въ курсѣ западныхъ событій. Но нѣсколько иначе приходится оцѣнивать этотъ списокъ, если имѣть въ виду слѣдующее обстоятельство: въ курантахъ нерѣдко, впереди извѣстій, читаемъ помѣты, указывающія, откуда заимствованы данныя извѣстія: таковы, напр., „переводъ съ немецкихъ листовъ вестовые“, „переводъ съ галанскихъ печатныхъ вѣстовыхъ тетратей“, „переводъ съ цесарскихъ и галанскихъ печатныхъ курантовъ“ и т. д.; эти заголовки всегда указываютъ на нѣмецкій или на голландскій источникъ; кромѣ того, среди сохранившихся въ московскомъ архивѣ иностранныхъ газетъ, послужившихъ оригиналами для русскихъ, находимъ, по замѣчанію Покровскаго [1]), много нѣмецкихъ и голландскихъ, немного польскихъ и еще меньше французскихъ газетъ. Если мы теперь обратимся къ перечню газетъ, выписывавшихся въ посольскій приказъ, по даннымъ Булгакова, съ 1631 по 1701 годъ включительно, то сразу бросится намъ въ глаза отношеніе между числомъ нѣмецкихъ и голландскихъ изданій и числомъ изданій на другихъ языкахъ: въ числѣ 43 изданій [2]) насчитывается 27 на нѣмецкомъ, 7 на голландскомъ, 5 на французскомъ (изъ нихъ 3 печатались въ Германіи и Голландіи), 2 на польскомъ, 1 на итальянскомъ и 1 на шведскомъ языкахъ. Такимъ образомъ, списокъ Булгакова, несмотря на его неполноту, помогаетъ намъ прійти къ важному выводу: изъ иностранныхъ періодическихъ изданій того времени источникомъ для курантовъ служили почти исключительно нѣмецкія и голландскія.

Теперь возникаетъ вопросъ: какъ поступали переводчики посольскаго приказа при передачѣ иностраннаго подлинника?

А. Покровскій этому вопросу удѣлилъ всего четыре строчки. Вотъ его мнѣніе: сличеніе русскихъ рукописныхъ газетъ „съ сохранившимися ихъ нѣмецкими оригиналами показываетъ, что изъ нѣмецкихъ газетъ переводили только тѣ мѣста, которыя почему либо считали тогда интересными“ [3]). Къ сожалѣнію, авторъ этихъ строкъ не дѣлаетъ ни малѣйшихъ указаній на тѣ данныя, на которыхъ его мнѣніе основано; остается еще кромѣ того неизвѣстнымъ, какъ передавали иностранный текстъ по-русски.

---

[1]) См. „Къ исторіи газеты въ Россіи“, стр. 12.

[2]) Собств. въ спискѣ указано 44 изданія, но Л. Майковъ исключилъ изъ него „Journal du siège de Mastric“, 1676 г., какъ изданіе не періодическое. См. „Оч. по исторіи рус. лит.“, стр. 381.

[3]) См. стр. 27.

Изученіе съ этой точки зрѣнія матеріала, который былъ у насъ подъ руками [1]), привело насъ къ такому выводу: при передачѣ нѣмецкаго текста переводчикъ той эпохи старается держаться къ нему какъ можно ближе, рѣдко позволяя себѣ по отношенію къ подлиннику какія-нибудь отступленія или сокращенія; языкъ перевода, въ общемъ, простой и понятный; искаженія текста сравнительно рѣдки, только имена собственныя и географическія въ большинствѣ случаевъ исковерканы до неузнаваемости. (Напр., „zu Boys le Vicennes“ переведено „въ Биселе-виценсе“, „vom Rheinstrom“ — „изъ Реинстрома“, „die Schotten“—„шкотченя“, „Prinz Wilhelm“ — „князь Вилимъ“ и проч.). Такимъ образомъ, результатъ, къ которому мы пришли при сравненіи обоихъ текстовъ (въ доступныхъ намъ предѣлахъ), прямо противорѣчитъ вышеприведенному замѣчанію, что изъ иностранныхъ газетъ „переводили только тѣ мѣста, которыя почему либо считали тогда интересными“. Чтобы читатель самъ могъ судить о характерѣ и качествѣ русскаго перевода, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ нѣмецкихъ оригиналовъ 1643 г. en regard съ соотвѣтствующимъ русскимъ [2]) текстомъ.

(Изъ *„Particular, Post Hamburger und Reichs-Zeitung“ Num: 27, An: 1643*). *„Aus Alten-Stettin vom 20. Sept.*

Aus Prag wirdt gemeldet, dazs des Herrn Feld Mahrschal Excellentz, nachdem sie von Brien wieder auffgerücket, ihre Läger zu Wischa genommen, die Keyserlichen stunden nur eine halbe Meile davon, und haben diese gäntzlich gemeinet, ihre Excell. würden ihm alsz sie von Brin aufgebrochen, in Campanie cediren, welche opinion aber sehr faliret hat“.

„Переводъ съ вестового печатново писма изъ города Амбурха по рознымъ временамъ нынѣшнего 152-го году сентября съ 20-го числа.

Изъ цысарева города іс Праги пишутъ, что свѣйскаго воеводы господина полевого маршалка войска изъ Брина пошли и стали у Вишшова, а цысарево войско стояло толко отъ нихъ за полмили, а чаяли, что подлинно свѣйской воевода, какъ онъ пошелъ отъ Брина, своихъ людей учнетъ въ роты уставливать, и то не такъ сталось“. (Тетр. № 3, стр. 11, скл. 11).

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду семь №№ вышепоименованныхъ нѣм. газетъ 1643 г. и ихъ русскіе переводы: см. копію курантовъ арх. ком. за 1643—1644 г.

[2]) Мы вездѣ будемъ удерживать орѳографію стараго текста, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что она не отличается послѣдовательностью.

(Изъ „*Wochentliche Zeitung*“ *A: 1643 № 38.*

„Aus Parisz vom 28 Augusti.

Die Frantzosen setzen Trino hart zu, und hoffen selbige Stadt vor den 15 Septembris noch zuerobern. Pontestura haben sie annoch nicht attaquiret. Un Italien seynd die Päbstliche mit 2000 Pferden und 6.000 zu Fusz den Venetianern ins Land gefallen, thun darein grossen schaden“.

(Изъ „*Post-Zeitung*“ *A: 1643 № 37*). „*Aus Meylandt vom 26 Augusti.*

Vor Trino haben die Frantzosen bereits zwey mahl gestürmet, aber mit zimblichem Verlust wieder zurück weichen müssen, beschiessen den Orth jetzo von 4 Batterien mit 24 Stücken. Vor Pontestura aber ist noch zur Zeit keine gewalt gebraucht worden. Hiesiger Gubernator ist jüngst von Pavia nacher Novara uff die Musterung abgereist“.

(Изъ „*Partic. Post. Hamb. und Reichs-Zeit.*“ *№ 26*).

„Enzwischen wird dem Schiffe, worinnen die Bagage embarquirt, täglich 22 Pistolen ward Geld gereichtet. Wieder Cardinal Rischelieu werden viel bszwürdige tra-

Переводъ съ печатныхъ вестовыхъ листовъ, что присланы изъ Риги нынешнего 152-го году ноября въ 3 день.

Вѣсти изъ Парижа августа 28-го числа.

Өранцужские приступаютъ къ городу Трино силну и чаютъ до 15 числа сентября тотъ городъ взять, а къ городу Понтестуру еще не бывали. Во Итальянскоі землѣ папины 2000 конныхъ людеі да 6000 пѣшихъ людей въ Венипейскую землю пришли и тутъ великую шкоту учинили“. (Стр. 57, скл. 59).

Вѣсти изъ Мейланта августа 26 числа.

Къ городу Трино Өранцужские люди двожды приступали, толко съ нарочитою потерею опять назадъ отошли, и стреляли онѣ съ 4 роскатовъ изъ 24-ти пушекъ; а подъ городомъ Понтестуромъ еще по сю сторону жестокова приступа не бывало. А здѣшной владѣтель нынѣ невдавне изъ города Павиа къ городу Новара къ мотру поѣхалъ“. (Стр. 64, скл. 67).

„А въ то время, сколь долго онъ“ (испанскій посолъ) „тутъ есть, тому кораблю, на которомъ ево рухлядь лежитъ, за постоялое на всякой день по 35 рублевъ на

ctaten evulgiret. Dem Duc de Elbeuff ist nunmehr das Gubernament in der Picardey völlig zuerkant. Mit M. de Vendosme Sachen aber, wie es noch nicht recht fort"...

день. А про господина Вендосовы дела еще ничево не слыхать" [1]) (стр. 4, 5), и т. д.

Сдѣланныя нами выписки дают достаточно ясное представленіе о томъ, какъ у насъ переводили извѣстія, приходившія съ запада. Но такъ какъ въ наши куранты попадало изъ ихъ оригиналовъ не только то, что представлялось „интереснымъ", но послѣдніе входили въ нихъ почти цѣликомъ, то невозможно ограничиться этими наудачу выбранными отрывками: является необходимымъ воспроизвести здѣсь, въ виду цѣльности впечатлѣнія, одинъ изъ номеровъ заграничной газеты въ полномъ видѣ параллельно съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ изъ русскихъ курантовъ; этотъ матеріалъ намъ въ то же время нуженъ для сужденія объ общемъ характерѣ и главномъ содержаніи основного ядра нашихъ курантовъ; кромѣ того, мы пользуемся случаемъ сдѣлать читателю доступнымъ хоть немногое изъ того, что нынѣ составляетъ у насъ и на западѣ [2]) чрезвычайную библіографическую рѣдкость.

VI.

Изъ курантовъ за 1643—1644 г.

(По копіи Импер. Археогр. Комиссіи, стр. 57—62, скл. 59—65).

Переводъ съ печатныхъ вестовыхъ листовъ, что присланы изъ Риги нынѣшнего 152-го году ноября въ 3 день.

WOCHENTLICHE ZEITUNG
A° 1643 (№ 38).

ВѢСТИ.

Aus Parisz vom 28 Augusti.

Die Frantzosen setzen Trino hart zu, und hoffen selbige Stadt

Изъ Париса августа 28-го числа.

Французскіе приступаютъ къ городу Трино силну и чаютъ до

[1]) Переводы съ пробѣлами см. еще въ курантахъ 1643 — 1644 г., стр. 24 рус. тек. (въ „Part. P. H. u R. Zeit." соотвѣт. стр. 4, 5), стр. 30 рус. тек. (Ibid., стр. 8, 9).

[2]) „Alles, was sich aus dem XVII Jahrhundert an Zeitungen, zu uns hinübergerettet hat, ist klagliches Trümmerwerk" (L. Salamon, „Gesch. des deut. Zeit.", т. I, стр. 37).

vor den 15. Septembris noch zuerobern, Pontestura haben sie annoch nicht attaquiret. In Italien seynd die Päbstliche mit 2.000 Pferden und 6.000 zu Fusz den Venetianern ins Land gefallen, thun darein grossen schaden.

Hertzog Karl von Lothringen sol sich nach der Mosel mit General Beck conjungiret haben. Duc de Angulesme ist bey Verdun, wartet deselbsten uff Ordre vom Hoff. Duc de Anguin aber ist mit einem theil seiner Armee im uffbruch begriffen, umb wie man davor helt, Sirick des Hertzogen von Lothringen Residentz und Parlaments-Hausz zu attaquiren. Mons: Gassion sol an seinen Blessuren gestorben, und der Feldmarschall... ...tzow wieder an seine stelle zum General Leutenant oder die Cavallerie creiret seyn. Duc de Espernon hat man vor einen General der Frantzösischen Infanterie angenommen. Die zu den Friedenshandlung ernendte Plenipotenciary seynd noch zur Zeit von hinnen nicht uffgebrochen, ursach ist, weiln der Spanische Abgesandter Don Diego di Sauedra sich zu Brüssel annoch uffhalten, und daselbsten todt kranck liegen sol. Duc de Harcourt wird in Ambassade nacher Engelandt wegen der differentien zwischen dem Könige unnd dem Parlament geschickt, von dessen Verrichtung ins künfftige zuvernehmen stehet.

15 числа сентября тотъ городъ взять, а къ городу Понтестуру еще не бывали. Во Итальянскоі землѣ папины 2.000 конныхъ людеі да 6.000 пѣшихъ людей въ Венецейскую землю пришли и тутъ великую шкоту учинили. А арцухъ Карлъ Лотринской у реки Мозель з генераломъ Бекъ сошелся; а князь де-Ангулесме у Ѳердуна, а дожидаетца онъ тутъ указу; а князь де-Ангвинъ не съ великими своими людми на подъеме Сирикъ столной городъ арцуха Лотринскаго осадить.

Монсъ Гасонъ своею болезнею умеръ, и полковова маршалка Рацова въ ево мѣсто началнымъ порутчикомъ поставили надъ конными людми, а князь де Эспернонъ Ѳранцужскихъ пѣшихъ людей принялъ для мирново промыслу выбралъ, и онѣ еще по се число отселе не пошли для тово, что Шпанской посолъ Донъ-Диэго Ди Сауедра еще въ Бреселе стоитъ и тутъ онъ лежитъ при концѣ живота.

А князя де Гаркоурта посылаютъ въ послехъ въ Аглинскую землю для нѣкоторой розни межъ короля и соимы и для тово дѣла совершенья дожидаетца.

Aus Brinn vom 2. Septembris.

Diese verwichene Nacht seynd 24. Compagnie Schwedische Reuter und Tragoner in unser Vorstadt gantz unversehens eingefallen, haben die darein gelegene 4. Compagnie vom Schönkirchischen Regiment meistentheils ruiniret, alle Pferde hinweg genommen, und nach maln die Vorstadt an etzlichen Orthen in brandt gesteckt. Unter den Gefangenen, deren sie ein theil an Bürgern und Soldaten mitgenommen, haben sie einen hiesigen Bürger wieder zurück lauffen lassen, mit befehl, unserm Commendanten anzumelden, dasz sie innerhalb 2. Tagen mit der gantzen Armee wiederkommen, und ihn besuchen wolten.

Weiln wir dann nun jetziger Zeit Keinen andern als den Herrn Cantzelern und Herrn Cräysz Hauptman allhie haben. Als hat man in eyl 3. Currier nacher Niclasburg zu Ihr Keyserl. Mayt. spedirt, und in dessen vor Rathsamb befunden, hiesige Vorstadt uff den Nachmittage vollendts in brandt zustecken.

Gleich jetzo kompt Zeitung, dasz die Schwedischen gestern Abendt schon bey Wiszkowa mit der gantzen Armee ankommen, und das Hauptquartier in der Stadt genommen, wollen von dannen, der sage nach, uff Niclaszburg gehen. Unsere Armee hat sich gleich-

Вѣсти изъ Брина сентября 2-го числа.

Нынешней прошлой ночи 24 роты Свѣйские конные люди и драгуны въ нашъ Вышегородъ невѣды пришли и тѣхъ, которые тутъ были 4 роты Шонкирскаго полку большую долю разорили и всѣ кони побрали, и после тово посадъ въ несколкихъ мѣстехъ зажгли, и ис тѣхъ полоняныхъ посацкихъ людей и салдатъ нѣсколко съ собою взяли; а одново здѣшново посацково человѣка опять сюды назадъ отпустили съ наказомъ, нашимъ приказнымъ людемъ велѣли сказать, что онѣ дни въ два со всѣмъ своимъ войскимъ опять сюды хотятъ быти и ихъ навестити; и для тово, что у насъ въ нынешнемъ времени иново никово нѣтъ, окромѣ господина канцълѣра и господина войсковова началнова, что здѣся, и мы отселе тотчасъ 3-хъ гонцовъ въ Никласбурхъ къ его цесареву величеству съ вѣстью пошлемъ, а в тѣ межъ себѣ придумали здѣшной посадъ послѣ полудни зажечь.

Ныне жъ вскорѣ пришла вѣсть, что Свѣйские вчерашново вечера со всѣмъ своимъ войскомъ пришли къ городу Вискову и головной станъ поставили въ городе, а сказываютъ, что хотятъ де онѣ итти къ Никласбурху; а наши войско, такожъ наредясь, поднялись изъ

fals moviret, unnd von Kogatin zurück nacher Niclasburg gezogen.

Aus Prag vom 5. Septembris.

Vor 3. Tagen seynd die Schwedischen mit 24. Compagnie Reuter unnd Tragoner in die Vorstadt zu Brinn eingefallen, selbige ausgeplündert, und viel Pferde (weiln 4. Compagnie darein gelegen) und Beute mit sich hinweg genommen. Die gefangene, so wieder losz gelassen worden, berichten, dasz ihr Intent uff Niclasburg gerichtet sey, von dannen sie, wie zubefürchen, weiln sie den Pasz gegen unsz offen haben, durch den Brinner: Znaimb: und Iglawer Cräysz in Böhmen gehen dorfften.

Ein anders aus Prag vom 10. Dito.

Vergangenen Sontag Mittag als den 30. passato hat sich der Hungarische Palatinus von Preszburg erhoben, und uff Scalitz begeben, ist von zweyen seiner Leib-Compagnie, deren eine zu Rosz, lauter Ungarn mit rothen Röcken bekleidet, güldene Lantzen, daran rothe Fähnlein gehangen, in den Händen habend, und schöne Sebeln, Pallasch unnd Pistolen bey sich führendt, begleidet worden, in allem ungefer 500. Mann starck. Ehe er uffgebrochen, hat er die Volcker uff den Platz vor der Evangelischen Kirchen, darein man damals

Когатина назадъ къ Никласбурху пошли.

Вѣсти изъ Праги сентября 5-го числа.

За три дни Свѣйские 24 роты конные люди и драгуны въ Брине въ посады наѣхали скорымъ обычаемъ и туто розграбилі много лошадей и тѣхъ, которые люди туто были, и добычю всеѣ съ собою взяли и тѣхъ полоняниковъ послѣ опять отпустили; а сказываютъ, что у нихъ смышлено на Никласбурхъ итти отселе, и то намъ страховито, потому, что дорога имъ къ намъ проста сквозь Бринеръ, во Аимбе и въ Иглавере округе итти имъ мочно.

Вѣсти изъ Праги 10-го числа тогожъ мѣсяца.

Прошлого воскресенья въ полдни прошлова августа мѣсяца 30-го числа Угорской Палатинусъ изъ Презбурха поднялся и пошелъ въ Сталицъ и двѣ особные ево роты, одна рота пѣшихъ, половина роты Угорскихъ людѣі въ лазоревомъ платье а другая половина роты нѣмцы въ красномъ платье, а третьяя рота конные Угорские люди всѣ въ красномъ платье нарежены съ позолоченымі древками, съ роспущеными черленымі знаменами и съ хорошими саблями и съ полашами и съ пистольми провожали, и всево ихъ было че-

eben geprediget, samblen, jedoch in stille halten lassen, da dann die Predigt aus und geendiget gewesen, da dann die Soldaten und Reuter ihre Gewehr und Pistolen gelöset, und die Trompeter sich hören lassen. Worauff der Palatinus von den Herrn Bürgermeistern der Stadt Abscheidt genommen, und dasz sie, wie biszhero, alles, was zu der Cron besten dienet, ferner wolbeobachten wolten, erinnert.

Aus Ober-Ungarn ist noch niemand erschienen, wenden vor, dasz sie so wol wegen des Ragotzi, als des Türcken das Land nicht entblösen könten, wie dann dieser bisz 6. Meil unter Edenburg gestreiffet, unnd etzliche Dörffer in brandt gesetzet.

P. S. Bey schliessung kompt eine Post von Wien, bringet mit, dasz der General Feldmarschall Torstensohn, nachdem er 2. Tage nach einander Bettstunde gehalten, mit der gantzen Armee uffgebrochen, und uff Brinn gangen, umb selbigen Orth zu attaquiren, wie es davor ablauffen würde, könt man nit wissen.

Noch ein anders aus Prag vom 4. 14, Dito.

Ob man zwar vermuthet, dasz die Schwedischen, nach dem sie sich moviret, entweder in Böhmen oder Schleisen gehen würden, so kompt noch Zeitung, dasz sie sich

ловѣкъ съ 500; и пока онъ не поднялса, велѣлъ онъ тѣмъ людемъ собратца передъ евангелиской кирхой, и то обѣдню пѣли; а пока обѣдню пѣли, велѣлъ онъ имъ быть тиху.

И какъ обѣдню отпѣли и тутo тѣ солдаты и конные люди изъ своево ружья и ис пистолевъ выстрялили и трубачеи затрубили, и на томъ тотъ Палатинусъ у господъ бурѣмистровъ отпускъ взялъ.

Къ совершенью пришелъ гонецъ изъ города Виенъ, привезъ съ собою вѣсти, что генеральной полевой маршалкъ Торстенсонъ два дни безпрестанно молебенъ пѣлъ и со всѣмъ своимъ войскомъ поднялся и пошелъ въ Бринъ то мѣсто осадить, и что у нихъ тутo учинитца, и то впредь объявитца.

Еще иные вѣсти изъ Праги 14-го тогожъ мѣсяца.

Хотя чаютъ, что Свѣйские нарежаютца въ Беменъ или въ Шлезицкую землю пойдутъ, ино пришли вѣсти, что онѣ скоро поворотили и стали подъ Бринъ и къ тому

schleunig gewendet, und vor Brinn geleget, selbigem Orth auch etzliche Tage hero mit schiessen sehr zugesetzet. Die Keyserl. Armee liegt nur ein halbe Meil davon, man helt davor, dasz sie ohne Hauptstrich nicht werden von einander kommen..... welches die Zeit wird geben.

мѣсту нескóлко дней приступали. А цесарево войско стоитъ отъ тово мѣста всево полмили; а чаятъ тово, что безъ побоища розно не разойдутца и то впредь объявитца.

Aus Franckfurt (am Main) vom 9. Dito.

Den 5. dieses ist Herr General Major von Königsmarck zu Luckaw in der Ober-Lausznitz mit seinen Nachtruuppen ankommen, unnd den 6. von dannen wieder uffgebrochen, seine Vortrouppen aber seynd dazumahl schon zu Guben gewesen. Von seiner Verrichtung wird man ehist zuvernehmen haben.

Вѣсти изъ Оранкъфурта на рекѣ на Одере 9-го числа тогожъ мѣсяца.

5-го числа сего мѣсяца господинъ начальной маюръ Кенихсъ Маркъ Луккавъ въ Верхней Лаусницы своими станицами пришелъ и 6-го числа оттоле пошелъ, а передние его станицы втѣ межъ въ Губене были, и что у нево совершитца, и то вскоре объявитца.

Aus Stettin vom 6. 16. Septembris.

Der Keyserliche General Major Crakaw hat jetzo sein Lager vor Belgart formiret, Corlin aber unnd das Fürstl. Schlosz an der Persandt wolbesetzet, fänget an sich daselbsten zuverschantzen, unnd mit allem wol zuverschen, wie er dann desfals dreschen, mahlen, backen, schlachten, und alles was an Vich und Korn hin und wieder in den Schewnen verhanden und zubekommen, dahin lest.

Vor Treptaw und Colberg hat er über 200 Pferde wegnehmen, und

Вѣсти изъ Стетина сентября 16-го числа.

Цесаревъ началноі маюръ Краковъ ныне свое войско у Белгарта поставилъ, Корлинъ да и княжской городъ въ Перзанте крѣпко осадилъ и починаетъ онъ туто шанцами укреплятца и всякими запасы запасатца, велитъ хлѣбъ молотить и молоть и печь и животину бить и что могутъ добыть всякой животины, и то онѣ збираютъ вмѣсте. А подъ Трентовомъ и подъ Колберхомъ взялъ онъ болши 200 лошядеі и тое станицу отпустилъ онъ черезъ Ре-

dieselbige Parthey auch uff Reuyenwaldt, Schlaw und Stolp gehen lassen, umb von selbigen Städtlein die Contribution zu erzwingen. Uff 10. Meil ist kein Mensch uff dem Lande zufinden, so kompt auch niemand als nur der Dantziger Botte, dahero man von ihrem Intent wenig vernehmen kan.

виенъ в Алтъшлова и Столпа, и хотетъ онѣ дань взять силою, и въ той землѣ милей на 10 не найдешь ни единово человѣка и не появитца нихто окроме Данцъкихъ ходаковъ.

Vom Rheinstrom den 6. 16. Septemb.

Die von Ihr Excell. dem Herrn Graffen von Eberstein unternommene Belagerung der Stadt Düren hat durch des Herrn Pfaltzgraffen von Newburg, welcher seine Abgeordnete Herrn von Königsfeldt Gütischen Marschalln, und Herrn Graffen von Merode zu beyden kriegenden Armee gehabt, interposition dergestalt sich geendet, dasz der Keyserliche Besatzung aus die Newburgische ein, unnd die Hessischen von der Stadt wieder abziehen, und also diese Neutral gemacht werden solle.

Hochgedachte Ihr Exc. veiln sie uff Ihrer Durchl. Landen nichts zu praetendiren, als umb so viel, dasz etzliche Oerther mit Keyserl. Besatzung belegt, sondern vielmehr ihren Zweck, dasz nemblich durch ihre Kriegs expedition der Keyserl. Succursz von den Spanischen contremandiret werden mag, wie dann geschehen, erreichet, haben sie leichtlich in gedachten Accord, mit der Condition, dasz ihro das gantze

(Это извѣстіе съ Рейна оставлено безъ перевода).

Land von Gülich Contribuiren musz (wodurch das Cöllnische Defensionswesen seine endschafft bekommen hat) gewilliget, wiewol sie die Stadt gleichsamb in ihre gewalt hatten, in dem die Breche bereits geschossen, unnd die Belagerten den Sturmb vermuthlich nicht solten abgewartet haben. In betrachtung ihrer Schwacheit, weiln nicht viel über 300. Mann..... Obristen Manderslo darin gelegen, und kleine Apparentz zum Entsatz gewesen nachdemmahle der Feldtmarschall Hatzfeldt erst im werck begriffen, seine Völcker zusammen zuziehen, welches anfangs bey Münster Eyffel, woselbsten der General Major Saradetzky zuruck angelaget, angestellet gewesen, die aber anjetzo ins Ampt Sentzig verleget worden. Ob nun wol die Spanischen den Assistentz nicht genossen, so hat Don Melos gleichwol dem Herrn Feldtmarschall von Hatzfeldt zu einer Erkendnütz eine assignation von 40.000. Reichsthaler zugesandt).

Ein anders von Rheinstrom denselben dito.

Ob man zwar spargiret, dasz Don Francisco de Melos zu Nahmen uffgebrochen, und nach Cammerich, umb allda eine diversion zumachen, sich begeben, so wil doch jetzo starck von Brüssel verlauten, dasz man daselbsten seiner täglich gewärtig. Seyd hero der Hertzog

Вѣсти изъ Реинстрома сентября 16-го числа.

Толко сказываютъ, что Донъ Ѳранцыско Демелосъ въ Наменъ поднялся и въ Камерихъ и тамъ рознь учинити, и славятъ ныне силно про нево въ Брыселе и ево къ себѣ по вся дни дожидаютца. И съ сего числа арцухъ Лотринской своихъ людей, которые на

von Anguin Sirck eigenommen, hat er ferners nichts tentiret. Der Hertzog von Lothringen hat alle seine Völcker, so noch jenseit Rheins gewesen, zurück entbotten, und nach der Mosel den Spanischen zu hülffe wider die Frantzosen gesandt, denen er ihnen in Person folgen sol.

A°. 1643. № 38.

той сторонѣ Реинсъ реки были, велѣлъ имъ всѣмъ назадъ быти и послалъ ихъ на помощъ къ Шпанскимъ людемъ на реку Мозелъ противъ Францужскихъ людей, которые за ними идутъ.

Намъ уже пришлось отмѣтить, что еженедѣльныя газеты XVII в., по условіямъ времени, должны были довольствоваться сообщеніемъ однихъ лишь голыхъ фактовъ. Воспроизведенный выше номеръ нѣмецкой газеты представляетъ типичный образецъ тогдашней прессы и лучше всякихъ поясненій и пересказовъ знакомитъ насъ, такъ сказать, съ физіономіей главнѣйшаго изъ источниковъ, изъ которыхъ возникли наши куранты. Впрочемъ, считаемъ не лишнимъ привести характеристику, которую Людвигъ Саламонъ даетъ этимъ газетамъ въ своей книгѣ „Всеобщая исторія прессы“: „Содержаніе первыхъ газетъ составлялось исключительно изъ корреспонденцій, помѣщаемыхъ безъ всякой связи между собой и написанныхъ по большей части сухимъ, тяжелымъ языкомъ. Авторъ всегда почти ограничивается изложеніемъ фактической стороны дѣла. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ высказываетъ свое личное мнѣніе или выясняетъ свою политическую платформу. Строгая цензура, тяготѣвшая надъ всей умственной жизнью Германіи, не разрѣшала свободнаго обмѣна мнѣній. Партійная полемика находила себѣ пріютъ лишь на страницахъ памфлетной литературы. Сухой, повѣствовательный тонъ продержался въ германской прессѣ въ теченіе всего XVII столѣтія; даже событія, волновавшія въ свое время всю Германію, какъ, напр., разрушеніе Магдебурга, битва при Лютценѣ, убіеніе Валленштейна, трактуются съ чисто эпическимъ безучастіемъ и индифферентизмомъ“ (стр. 16).

Русскій текстъ изъ курантовъ, которымъ мы сопроводили нѣмецкій оригиналъ, ясно говоритъ о томъ, что наши столбцы, поскольку они являются переводомъ изъ западныхъ газетъ, представляютъ не болѣе, какъ сколокъ съ иноземнаго образца.

VII.

Уже изъ тѣхъ выписокъ, которыя мы сдѣлали, видно, что главное содержаніе иностранныхъ газетъ той эпохи, а, слѣдовательно, и куран-

товъ составляютъ текущія событія западной политической жизни, т. е. „разныя въ Европѣ“, какъ гласитъ надпись на курантахъ 1621 г., „военныя дѣйствія и мирныя постановленія“. Особенно много мѣста отводится въ нихъ извѣстіямъ съ театра войны; сообщенія въ родѣ тѣхъ, что „городъ еще въ осадѣ сидитъ“, „къ городу жестоко приступаютъ“, „городъ за уговоромъ сдался“, детальныя описанія морскихъ сраженій, „кровавыхъ побоищъ“, „жестокихъ стравокъ“ и тому подобныхъ военныхъ предпріятій и рѣже извѣстія о мирныхъ переговорахъ, о заключеніи договоровъ и другихъ фактахъ политической жизни европейскихъ государствъ,—вотъ тѣ „новые вести изъ немецкой земли и изъ иныхъ странъ“, которыми наполнялись тогдашнія европейскія газеты и ихъ русскіе переводы. Въ курантахъ времени Михаила Ѳеодоровича передъ читателемъ проходятъ различные моменты той жестокой войны, въ которую были втянуты почти всѣ народы Европы. Борьба протестантства съ католичествомъ, какъ извѣстно, открылась въ 1618 г., и ея первый, такъ называемый, чешско-пфальцскій періодъ многими своими подробностями нашелъ себѣ выраженіе въ курантахъ за 1621 г. Вотъ, напримѣръ, „Вѣсти изъ Верхние Палсы“ (т. е. Пфальца) „маия въ 25-й день. Граѳъ Мансѳельтъ еще своимі людмі назадъ подался и хотѣлъ стати въ городе Видѣне, а изъ города ему не поволили стати, и для того онъ велѣлъ противъ города болшей нарядъ поставить и хочетъ его силою взять, въ немъ стать, и нынече х тому изъ Веймара многие люди пѣши и конные на помочь идутъ“ (стр. 2, скл. 3).

Рядомъ съ военными извѣстіями, мы находимъ въ курантахъ 1621 г. подробныя свѣдѣнія о различныхъ „мирныхъ постановленіяхъ“. Таковы, напр., „Переводъ съ мирново договору, которой учінѣнъ межъ цесарского величества“ (германскаго императора Фердинанда II) „началного ратного воеводы Амброзіуса Спинолы да и межъ князя и государя Мавриціуса Лантъграѳа Гессенсково“ (стр. 29—35, скл. 40—49); „Статьи договору, что межъ ево кесарское величество и Слезкихъ людей было въ городе въ Дрездене“ (стр. 40—44, скл. 55—60) и проч.

Всѣ эти сообщенія о событіяхъ 30-лѣтней войны до чрезвычайности однообразны. Среди другихъ политическихъ новостей отмѣтимъ слѣдующую любопытную статейку о перепискѣ турецкаго султана съ королемъ польскимъ: „Изо Гданска города въ грамотахъ пишутъ, что Турской царь къ Полскому королю такову отказную грамоту прислалъ: Мы, салтанъ, пресветлѣйшій и неодолимый, силный царь и

ангилъ Божей", „государь государемъ всѣхъ земель" „король королемъ и государь и государь государемъ, и князь княземъ, и государь всего добра во всемъ свѣте". „Вѣдомо намъ, что въ своей тайной душе с своими с младшими с младыми королевичишками усовѣтовалъ противъ нашего пресвѣтлѣйшаго персона и дивимся мы тому, что ты не страшишься отъ нашея великия силы и не боишься с своими королевичишками смерти, какъ ты прежние времена миру и постояния прашивалъ, и о томъ своихъ пословъ часто къ намъ посылалъ". „А в нынешние времена безо всякой вины и причины ты всчалъ в нашемъ кесарстве и государстве в Московскомъ нашихъ поданныхъ воевати". „Хотимъ мы не токмо тотъ городъ" (Краковъ), „но и всѣ твои столные городы и мѣста и всю землю такъ хощу приняти и зачати, что камень на камени не устоитъ и твое королевство и имя твое и память твою до конца выкоренить". „И для того свидѣтельства послали мы къ тебѣ нашу кровавую саблю на томъ, что сие все тотчасъ попослѣдствовати будетъ, и ноги коней нашихъ и верблюдовъ будутъ землю твою топтать и покрывать, что во многие лѣта такъ не бывало". „Боги твои" тебѣ не помогутъ, твоихъ святыхъ „мы подлинно въ сохи велимъ впрячь, и на нихъ тѣ пустые земли Булгару и Юдѣю велимъ взорать"..... (стр. 5—9, скл. 10—17).

Куранты отъ 1642 по 1644 г. захватываютъ въ свои рамки великія событія изъ послѣдняго періода міровой войны, представляющаго, по словамъ проф. Форстена, одну изъ самыхъ запутанныхъ страницъ въ исторіи европейскихъ международныхъ дѣлъ: „крѣпко держась аріадновой нити, изслѣдователь все-таки рискуетъ потеряться въ необъятномъ лабиринтѣ дипломатическихъ интригъ и дрязгъ, во множествѣ военныхъ событій, клонящихся то въ пользу одной, то въ пользу другой державы. Европа въ какомъ-то хаосѣ, въ какомъ-то вихрѣ" [1]). Эта сложная сѣть политическихъ явленій даннаго момента въ текущей печати развертывается въ видѣ безконечной ленты чисто фактическихъ извѣстій, лишенныхъ почти всякой злободневности: всѣ эти „вести изъ немецкой, изъ шпанской, изъ францужской, изъ дацкой, съ полской и из ыныхъ земель", залитыхъ кровью борющихся во всякомъ сочетаніи протестантовъ и католиковъ, по большей части изложены „съ чисто эпическимъ безучастіемъ и индифферентизмомъ". Нѣтъ нужды приводить эти многочисленныя извѣстія о стычкахъ, набѣгахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ свѣйскихъ, цесаревыхъ, дацкихъ и

[1]) „Балтійскій вопросъ", т. II, стр. 451.

прочихъ людей: характеръ и содержаніе подобныхъ сообщеній уже достаточно выяснены. Ограничимся однимъ примѣромъ, важнымъ въ томъ отношеніи, что намъ придется на него ссылаться при изученіи вопроса объ историческомъ преемствѣ между курантами и петровскими „Вѣдомостями“. Это—„короткое и подлинное розсказанье о жестокомъ кровавомъ бою“, случившемся 23-го октября 1642 г. подъ Лейпцигомъ, гдѣ шведскій полководецъ Торстенсонъ разбилъ императорское войско подъ начальствомъ эрцгерцога Леопольда и Пикколомини (см. копію курантовъ 1643—1644 г., стр. 107—116, скл. 114—124). Передъ нами обстоятельный разсказъ объ отдѣльномъ событіи въ формѣ, такъ называемой, реляціи: всѣ эти мелкія подробности о передвиженіи войскъ, о самой битвѣ, описаніе того, какъ „весь цысаревъ пушечный нарядъ и запасъ и рухлядь и весь обозъ свѣйские люди побрали“ и, наконецъ, роспись убитымъ, раненымъ и взятымъ въ плѣнъ много напоминаютъ тѣ „юрналы“ и „реляціи“, которые при Петрѣ Великомъ печатались отдѣльными листами и въ „Вѣдомостяхъ“ [1]).

Кромѣ свѣдѣній о внѣшнихъ событіяхъ, совершавшихся въ то время въ Европѣ, изъ западныхъ и русскихъ курантовъ за указанный періодъ мы узнаемъ кое-какія подробности о внутреннихъ дѣлахъ Англіи; послѣдняя въ это время уже не принимала участія въ 30-тилѣтней войнѣ, будучи захвачена борьбой своего монарха съ „соемной стороной“ (парламентомъ). „Пишутъ“, читаемъ мы извѣстіе изъ Гаги отъ 3-го октября 1643 г., „что господа Статы хотятъ пословъ своихъ послати въ Англинскую землю, чтобъ тоѣ особую войну и зсору, что въ Англинской землѣ, помирить; а что въ послѣднемъ бою дѣлось, и того намъ подлинно не вѣдомо“ (копія кур. 1642—1644 г., тетр. 9).

Вотъ другое, болѣе подробное сообщеніе изъ Стетина отъ 8-го ноября того же года: „Изъ Англинской земли пишутъ, что шкотцкой союзъ съ соемными англинскими людми“ (т. е. союзъ шотландцевъ съ англ. парламентомъ) „соединачались, а еще быть много кроволитью, доколе они будутъ изъ Англинской земли; а у короля въ зборе людей великая сила“; на перемиріе между королемъ и подданными трудно надѣяться, такъ какъ „король стоитъ на томъ, чтобъ ему содержати свое постоятелство и королевство и честь и соемной сторонѣ не по-

[1]) Ср., напр., дневникъ объ осадѣ Орѣшка (въ „Книгѣ Марсовой“, 2-е изд. 1766 года, стр. 1—13) или реляцію о Митавской осадѣ (въ „Книгѣ Марсовой“ стр. 45—49, и въ „Вѣдомостяхъ времени Петра Великаго“, вып. I, стр. 273, 274, 276—279).

коритца. И какъ такъ учинится и соемные стороны людемъ потерять своя вольность и головы, потому что они королю никакими мѣрами ни въ чемъ непостопны и кончае хотятъ, чтобъ его королевское величество изволилъ быть межъ трехъ годовъ соемному земскому съѣзду і въ томъ бы королю воли не имѣть о земской денежной подати и о пошлинныхъ прибавкахъ, того бы ничего безъ ихъ вѣдома не дѣлалъ, о которомъ у нихъ съ 1628-го году и по ся мѣста споръ". (Тамъ же, тетр. 14).

Но подобные факты, касающіеся внутренняго состоянія европейскихъ государствъ, только въ самомъ ничтожномъ количествѣ могли почерпаться нашими курантами изъ тогдашней прессы. Этого рода новости по волѣ Габсбурговъ были изъяты изъ круга предметовъ, которыхъ могла касаться газетная пресса той эпохи, и до конца существованія курантовъ почти во всѣхъ вѣстяхъ, приходившихъ къ намъ изъ зарубежныхъ странъ, читатель слышитъ походный маршъ и лязгъ оружія въ то время, когда онъ думаетъ тамъ найти живую общественную струю. Обратимся къ позднѣйшимъ курантамъ, и мы лишній разъ убѣдимся, что это такъ. Въ курантахъ, хранящихся въ академіи наукъ, и въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ IV вып. „Лѣтописи зап. археогр. комиссіи", много говорится о возстаніи мадьяръ подъ начальствомъ Текели, которому помогала Порта; но эта политическая злоба дня превратилась въ скучное официальное событіе въ безжизненныхъ отчетахъ, которые о ней давала текущая печать. Вотъ нѣсколько примѣровъ этихъ извѣстій: „Изъ Вѣны Декабря въ 28 день. У насъ не подтвержаютъ, что турки Текелию какую помочь учинятъ, а Текелиі еще пребываніе свое имѣетъ в городе Кашаве". (Перепл. № 6). „Изъ Вѣны декабря въ 31. Кнамъ присланъ Ѳранцуской огнестрѣлной мастеръ вработѣ своей зѣло поспѣшенъ и нѣсколко гранатовъ уготовилъ, междо которыми обретаются большие гранаты, изъ которыхъ гранатовъ единымъ возможно крѣпость или замокъ одолѣти и разорити, за которую поспѣшную работу и трудъ ево ему дво готовая пища и платье ему и людемъ ево, сверхъ того повсякой мѣсяцевъ ему по 100 червонныхъ золотыхъ". (Перепл. № 6). „Изъ Бреслава, августа въ 10 день (1682 г.), Текелій замокъ и городъ Кашаву взялъ и всѣхъ ратныхъ людей вырубилъ, а уже и иные царскіе многіе городы ему поддалися". (Лѣт. зап. археогр. ком., вып. IV).

Иной характеръ имѣютъ нѣкоторыя изъ свѣдѣній, касающихся Турціи.

Въ цесарскихъ печатныхъ курантахъ, „каковы присланы въ Государственный посольской приказъ чрезъ Рижскую почту“ въ мартѣ 1684 г. читаемъ: „Списокъ съ листа, каковъ писалъ къ цесарю Римскому Рексъ папаликъ рагуза Генваря въ 5 день. Вѣдомо тебѣ Господине чиню, что мнѣ вѣдомо учинилось, будто Турской Салтанъ Большого Везиря которой посаженъ былъ въ бѣлѣ Городѣ велѣлъ удавить, а голову отсѣчь, и кожу содрать, и ту кожу бумагою хлопчатою наполнить и въ Царь Городъ прислать для оказыванья“ (перепл. № 3): рѣчь, очевидно, идетъ о казни великаго визиря Кара-Мустафы, разбитаго подъ Вѣной въ 1683 г. Или такое сообщеніе: „Изъ Царя Града розные греческие домы нарочитые, и торговые выѣзжаютъ нехотяще тамо боле жити, тяжелой ради возложенной подати, емлюще со всякого по 25 таляровъ, которой казны прошлого году собрано 3 миллиона“ (перепл. № 5).

Въ голландскихъ печатныхъ курантахъ, полученныхъ въ Россіи 6-го марта 1684 г., находимъ любопытную корреспонденцію изъ Венеціи отъ 22-го января слѣдующаго содержанія: „Въ грамотке изъ отоманскихъ областей намъ подтвержаютъ, что по всемъ Турскомъ Государстве народъ отъ времяни до времяни наипаче к бунту склоняется, а которые Паши и градские начальные люди народъ принуждаютъ квойнѣ противъ християнъ, и тѣхъ многихъ казнятъ веревкою и мечемъ и народъ тѣхъ Пашей и начальныхъ людей до смерти побиваютъ и во всемъ противня чинятъ возмущая вездѣ отаманские области а наипаче для того что всѣ животы и имѣния тѣхъ началныхъ людей и рядовыхъ солдатъ которые на послѣднемъ походе противъ християнъ побиты суть по указу Салтанову в салтанскую казну взяты. Женамъ же ихъ и дѣтямъ ничево не оставлено. Чесо ради по указу жъ Салтанову по всему Царю Граду вездѣ по улицамъ и по переулкамъ двойной караулъ поставленъ для прекращенія всякого настоящаго и будущаго мятежа“. (Перепл. № 2).

Въ особую рубрику слѣдуетъ выдѣлить встрѣчаемыя въ курантахъ заимствованныя изъ западныхъ газетъ извѣстія о Россіи. Иностранныя извѣстія о русскихъ текущихъ событіяхъ представляютъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего эти извѣстія суть почти единственныя свѣдѣнія, сообщаемыя нашими курантами о русской жизни. Кромѣ того, эти, правда, немногія данныя о Россіи свидѣтельствуютъ о томъ вниманіи, которое привлекало къ себѣ Московское государство со стороны иностранныхъ правительствъ. Недаромъ еще въ 1617 г., по замѣчанію пр. Форстена, Густавъ Адольфъ заявилъ на

сеймѣ, что русскіе—сила, которой нельзя пренебрегать [1]). Съ этой, такъ сказать, утилитарной точки зрѣнія и присматривается западноевропейскій міръ къ русскому; иная оцѣнка русскихъ событій была еще мало доступна Западу.

Русскій народъ—сила, съ которой приходится считаться: вотъ та нота, которая звучитъ почти во всѣхъ, обыкновенно очень краткихъ, сообщеніяхъ о Россіи, попадавшихъ изъ западной прессы въ наши куранты.

„Изъ Амборка пишутъ ноября въ 22 день (1643 г.) что великіі князь Московской приказалъ Свѣйскому агенту“ (шведскому резиденту Крузбіорну) „ис своей земли ѣхать и для того свѣяне остерегателнее живутъ на рубежѣ“ (Копія кур. 1642—1644 г., тетр. 19).

„Зело тревожился Салтанъ Турской в томъ, что войска московские вступили вкрымъ гораздо сумнѣвался о отъеме той стороны и о изгнаніи оттоле татарскомъ“. (Рукоп. ак. н., перепл. № 5).

Изъ Рима подъ 29-мъ января сообщается, что „папа силно умоляющие грамоты послалъ хкоролемъ КГишпанскому и ко Ѳранцузскому и КМоскве, чтобъ оружия свои случно обратили на Турковъ“.... (Перепл. № 2).

Сами по себѣ эти извѣстія о русскихъ дѣлахъ мало интересны, такъ какъ они затрагиваютъ почти исключительно официальную сторону русской жизни, и только изрѣдка упоминается въ нихъ о происшествіяхъ внутри Россіи, напримѣръ [2]), „о великой смутѣ о вѣрѣ“, о стрѣлецкомъ бунтѣ, о пожарахъ и т. п.

Западъ, повторяемъ, въ то время еще мало интересовался внутренней жизнью русскаго народа; достаточное доказательство этого факта кромѣ данныхъ, сообщаемыхъ газетами, мы имѣемъ еще въ тѣхъ свѣдѣніяхъ о Россіи, которыя содержитъ въ себѣ многотомный историко-политическій сборникъ „Theatrum Europaeum“, печатавшійся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ съ 1634 по 1738 г.; въ этомъ сборникѣ, представляющемъ компиляцію изъ многихъ періодическихъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій и брошюръ, мы находимъ много извѣстій, относящихся къ Россіи; но эти извѣстія, хотя почерпнуты изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, касаются главнымъ образомъ международныхъ отношеній Московскаго государства и очень рѣдко и скупо описываютъ внутреннія его дѣла [3]). Впрочемъ, больше другихъ го-

[1]) „Балтійскій вопросъ“, т. II, стр. 149.

[2]) „Къ исторіи газеты въ Россіи“, стр. 34, 35.

[3]) См. объ этомъ С. Рождественскій, „Извѣстія о Россіи въ историч. сборникѣ“

сударствъ интересовались событіями въ Россіи Генеральные Штаты: торговая республика, для своихъ практическихъ цѣлей, нуждалась въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ страной [1]).

Но какъ ни скудны содержаніемъ встрѣчаемыя въ курантахъ иностранныя свѣдѣнія о русскихъ, они, какъ было уже сказано, цѣнны, съ одной стороны, какъ единственный почти матеріалъ, знакомящій съ самой Россіей, и, съ другой, какъ выраженіе отношенія Запада къ Московіи. Мало того, обыкновенно полагаютъ, что Петръ Великій первый оцѣнилъ значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ, и при этомъ указываютъ на „учено-литературныя похожденія“, по терминологіи Пекарскаго [2]), барона Гюйссена. Эти же данныя изъ иностранныхъ источниковъ опредѣленно указываютъ, что уже въ тѣ времена Москва не была равнодушна къ тому, какъ къ намъ относятся на Западѣ. Прибавимъ, что уже тогда московскіе люди умѣли управлять мнѣніемъ иностранцевъ при посредствѣ гюйссеновъ, печатавшихъ за границей то, что нужно было русскому правительству: достаточно здѣсь сослаться на „похожденія“ Ягана фонъ-Горна [3]), жившаго въ томъ самомъ городѣ, гдѣ нѣкогда дѣйствовалъ печатникъ книжной Бартоломей.

Итакъ, мы видимъ, что главное содержаніе матеріала, почерпаемаго курантами изъ иностранныхъ газетъ, составляютъ событія политическаго характера. Но, кромѣ чисто политическихъ извѣстій, въ переводныхъ курантахъ находимъ еще свѣдѣнія объ „иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти“.

Вотъ нѣсколько новостей торгово-экономическаго характера.

„Вѣсти изъ Амъстердама марта въ 20 день. Повсякоденно приходятъ многие корабли отъ западу изъ Ишпанские землі и изъ Лисбона и изыныхъ мѣстъ, да ждутъ отъ востока такожъ кораблей, которые сюда будутъ“. (Копія курант. 1621 г., стр. 48, скл. 64).

„Изъ Галанской земли изъ города Гаги ноября 17 числа (1643 г.). Изъ Амстерада вѣсти, что кораванъ изъ Московскаго государства отъ Архангельскаго города да изъ Ѳранцужские земли отъ города Рошеля, далъ Богъ, здорово въ галанскую землю пришли, ихъ Дюнкер-

---

„Theatrum Europaeum“, „*Журн. Мин. Нар. Просв.*“, 1891 г., май, также Е. Замысловскій, „Царствованіе Ѳеод. Алекс.“, ч. I (С.-Пб. 1871), стр. 210—212, 215.

[1]) См. „Записки о Россіи XVII и XVIII в. по донесеніямъ голландск. резидентовъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1868 г., т. I, январь.

[2]) „Наука и литература въ Россіи при П. В.“, т. I, стр. 90.

[3]) См. о немъ у *Соловьева*, „Исторія Россіи“, кн. 3 (изд. Общ. П.), стр. 90.

ские разбойные корабли ждали на море и начаялись великой добычи, толко ихъ Богъ перенесъ здорово". (Копія курант. 1642—1644 г.; тетр. 15).

Изъ Гаги сообщается, что „объ тѣхъ двухъ торговыхъ людей, которые оманчивыми худыми деньгами промышляли, и о тѣхъ велми сыскиваютъ про тово, хто продалъ деньги, а про другого, хто ихъ купилъ; и тотъ хто купилъ продавца объявить не хочетъ, і за то у него сколко тысячъ взято живота ево". (Коп. курант. 1621 г., стр. 47, скл. 63).

Рядомъ съ торговыми вѣстями, попадаются описанія придворныхъ торжествъ.

„Изъ Колна города, августа въ 7 день (1682 г.) Княгиня государя дофина родила сына и о томъ пишутъ изъ Амстердама августа 15 числа, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ послы, посланники и посланные французскіе обрѣтаются, преизрядные веліе банкѣты отправляютъ со утѣшными изъ ракетовъ огнями для рожденія того дофина сына" (Куран., напеч. въ IV вып. Лѣт. зан. арх. ком.).

Выписываемъ еще другое сообщеніе подобнаго характера, содержащее нѣсколько любопытныхъ бытовыхъ подробностей.

„Того жь дни въ шестомъ часу после обѣда къ ужине вострубилъ у куроиста, и тутъ куроистъ звалъ къ столу арцуха Карла и всѣхъ Шлейзенскихъ пословъ" (пріѣхавшихъ для заключенія договора съ герм. императоромъ), „и ихъ гораздо чесно потчивалъ, и тутъ при столѣ всякие музикѣи были и цысерского величества и иныхъ князей здоровие пили и тотъ столъ до четвертаго часа ночи тянулся; послѣ ужины пошли всѣ въ болшую палату и учали танецъ водить. И въ тѣ танцы его куроисткая милость со многими дворяне в-ные потѣшные платья переодѣлися и въ шестомъ часу ночи, а Киселски мужики з гудками и съ волынсками въ мужичье платье розныхъ цвѣтовъ на танецъ пришли, и танцовали Шлейзенские послы, а которые до тѣхъ мѣстъ нагами станали, а тутъ въ танцу рядомъ съ молодыми скакали и до дневного часу. Бреславской дохтуръ" (посланникъ) „такъ запился, что ево два человѣка въ ево хоромы едва дотащили. Назавтрее десятого числа ѳевраля въ другонадцатомъ часу дни тѣ прежпомянутые Шлейзенские послы и арцухъ Карлъ Мунстерберской къ себѣ въ Шлезию поѣхали и много поминковъ вездѣ давали". (Копія кур. 1621 г., стр. 20, 21, скл. 28—30).

Наконецъ, нерѣдко встрѣчаются извѣстія о чрезвычайныхъ происшествіяхъ. Вотъ примѣръ: „В галанской землѣ въ Поморье подъ

островомъ Теселонъ рыбники рыбу ловили и видели чюдо в мори, голова у него человѣческая, да усъ долгой, а борода широкая, и рыбники отъ того добрѣ устрашилися, и одинъ рыбникъ побежалъ из судна в носъ и хотѣлъ то чюдо смотрить, и чюдо под судно унырнуло, и ис онца опять выныpнуло и рыбники побежали на корму и хотѣли ево ухватить, и онъ опрокинулся и онѣ видѣли у него туловище, что у рака, а хвостъ у него широкъ да и ноги у него также широки были, и плавалъ, что собака". (Копія кур. 1621 г., стр. 4, екл. 7, 8).

VIII.

Кромѣ иностранныхъ газетъ, у насъ пользовались при составленіи курантовъ еще другимъ обширнымъ матеріаломъ. Изъ столбцовъ отъ 1642 по 1644 г. видно, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила въ то время Московія за европейскими событіями и изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ собирала она свѣдѣнія о западныхъ сосѣдяхъ. Куранты той эпохи прекрасно иллюстрируютъ собой слѣдующій любопытный фактъ: въ 1635 г. наше правительство посылаетъ въ Стокгольмъ своего агента Дмитрія Францбекова, но уже въ 1636 г. отзываетъ его въ Москву въ виду того, что онъ къ намъ изъ Швеціи „часто вѣстей не писывалъ" [1]). Какъ и кѣмъ доставлялись въ Россію всѣ тѣ новости, которыми заполнялись куранты? О томъ, какъ доходили до насъ внѣшнія извѣстія въ первую пору существованія курантовъ и впослѣдствіи, со времени возникновенія почты, мы говорили уже выше. Теперь слѣдуетъ намъ остановиться на изученіи вопроса относительно того переходнаго времени, когда, при отсутствіи правильныхъ сношеній съ заграницей, московское правительство сумѣло, однако, создать нѣчто похожее на организованную, т. е. постоянную и регулярную доставку зарубежныхъ извѣстій.

Прежде всего мы познакомимся съ фигурами нѣсколькихъ лицъ, игравшихъ, въ разсматриваемый періодъ, роль близкихъ сотрудниковъ, въ широкомъ смыслѣ слова, до-петровской газеты. Однимъ изъ такихъ дѣятелей является иностранецъ Юстусъ Филимонатусъ. „Будетъ нынѣ въ марте годъ, какъ я почалъ съ его князской милостью добрую ссылку и дружбу вести", пишетъ Филимонатусъ въ „грамоткѣ" отъ 25 февраля 1644 г. къ князю Льву Александровичу Шляковскому (коп. курант. 1642—1644, тетр. 23). Между

[1]) См. у *Соловьева*, „Истор. Россіи" (изд. Общ. П.), кн. II, т. VI — X, стр. 1231—1233.

первымъ и вторымъ существовали очень дѣятельныя сношенія; князь Шляковской, повидимому, былъ прямымъ начальникомъ Филимонатуса и посылалъ къ нему въ Ригу, гдѣ тотъ обыкновенно проживалъ, тѣ или иныя инструкціи; самъ онъ находился въ пограничномъ городѣ Псковѣ, откуда пересылалась имъ въ Москву обильная корреспонденція Юстуса. Шляковской, такимъ образомъ, служилъ посредствующей инстанціей между нашимъ заграничнымъ агентомъ и посольскимъ приказомъ. Ближе выяснить роль „господина Матияса Сигизмундуса прирожденнаго граѳа Шлаковскаго“ (см. коп. кур. 1643—1644 г., скл. 49) трудно, такъ какъ письма графа-князя къ Филимонатусу, содержавшія разныя порученія или сообщавшія о томъ „что на Москвѣ дѣлаетца“, не входили, подобно посланіямъ послѣдняго, въ составъ нашихъ курантовъ. О нравственномъ обликѣ Матіаса, по крещеніи Льва Шляковскаго [1]), между прочимъ узнаемъ, что князь „много хмелю держится“, а когда бываетъ пьянъ, то „въ тѣ поры многихъ Московского народу саблею побиваетъ“ (см. копію кур. 1642—1644, т. 9) [2]).

Обратимся теперь къ тому матеріалу, который проходилъ черезъ руки этого охотника до всякихъ новостей, какимъ его считаетъ его „подданственный и послушливый слуга“ Филимонатусъ: „Сѣ вѣсти ко мнѣ присланы и я послалъ къ вашей князьской милости, какъ есть любителю такихъ дѣлъ и иныхъ новыхъ вестей“ (тамъ же, тетр. 21). Эти же строки указываютъ на главную роль, которую исполнялъ нашъ агентъ: онъ присылалъ въ Россію свѣжія извѣстія „изъ немецкой земли и изъ иныхъ странъ“. Эту функцію Филимонатусъ выполнялъ весьма добросовѣстно. Чтобы посылаемыя имъ вѣсти достигали Москвы своевременно, Юстусъ отправляетъ ихъ иногда „на спехъ денно и ночно съ подлиннымъ особнымъ гонцомъ“ (коп. курант. 1643—1644 г., стр. 121); онъ прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать полученіе этихъ вѣстей въ Россіи по возможности періодическимъ; такъ, въ письмѣ изъ Риги отъ 25-го ноября 1643 г. къ Шляковскому онъ

---

[1]) Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ самозванномъ графѣ фонъ-Шликъ, женившемся, по принятіи православія, на дочери ближняго боярина, находимъ въ изсл. Дм. Цвѣтаева „Протестантство и протестанты въ Россіи до эп. преобр.“ (М. 1890), стр. 355—370, 415—416.

[2]) См. также „переводъ съ немецково писма что подалъ въ Посолскомъ приказе дьякомъ: думному Григорью Львову да Михайлу Волошенинову свѣйской агентъ Петръ Крузбиорнъ въ нынешнемъ во 152-мъ году октября въ 4 день“ въ коп. курант. 1643—1644 г. (стр. 104—107).

предлагаетъ завести двухъ надежныхъ гонцовъ съ тѣмъ, чтобы „какъ одинъ пойдетъ изъ Риги во Псковъ, а другой бы пошелъ изо Пскова въ Ригу і въ тѣ поры“, прибавляетъ онъ, „мнѣ мошно къ царскому величеству еженедѣль вѣсти всякие писать. А будетъ не такъ, и они залежатца и застареютца“. „И я неленивъ буду писать“, подкрѣпляетъ онъ свое предложеніе обѣщаніемъ, „толко ваша княжская милость мнѣ помогай, чтобъ изо Пскова ко мнѣ гонцовъ посылали“ (коп. кур. 1642 — 1644, т. 12). Однако, несмотря на его „добрую ссылку“, какъ увидимъ ниже, Москва держала своего агента въ черномъ тѣлѣ.

Филимонатусъ хлопочетъ, чтобы ему была дана возможность „къ царскому величеству еженедѣль вѣсти всякие писать“. Эти слова слѣдуетъ понимать буквально: московскій агентъ, кромѣ простой доставки иностранныхъ газетъ, занимался также собираніемъ и составленіемъ извѣстій объ интересовавшихъ Россію событіяхъ. Такимъ образомъ, Юстусъ Филимонатусъ можетъ быть названъ хроникеромъ-корреспондентомъ русскихъ курантовъ. Его нѣмецкія или латинскія „грамотки“ отличались довольно разнообразнымъ характеромъ. Часто онѣ содержали лишь дополнительныя свѣдѣнія къ печатнымъ и инымъ „вестовымъ листамъ“, съ которыми онѣ присылались. Въ подобныхъ посланіяхъ „послушливаго слуги“ нерѣдко встрѣчаемъ приписки въ родѣ слѣдующей: „а впредъ что новаго объявитца сверхъ тѣхъ вестей, которыя я въ семъ писмѣ къ вашей милости послалъ, и то вашей милости вѣдомо будетъ“. Другія его грамотки носили характеръ газетной передовицы, возбуждающей вниманіе читателя. Напримѣръ: „Четыре дни тому, что мое послѣднее писмо къ тебѣ было, а после того і иные печатные новые вѣсти ізъ Любка і изо Гданска писаные послалъ, и вашей княжеской милости іс тѣхъ мошно разумѣть, какъ полковника Кракова дела и умышленье назадъ Померской земли; а свѣйскихъ людей и цысарскихъ въ Мерской землѣ і въ Шлезитцкой промежъ ими дѣтца; а что впредь будетъ, і то вашей княжской милости вѣдомо учиню“ (коп. кур. 1642—1644, т. 7). Нѣкоторыя изъ его грамотокъ представляли самостоятельныя донесенія о новѣйшихъ политическихъ событіяхъ. Эти сообщенія, а также новости, служившія дополненіемъ къ газетамъ или вѣстовымъ письмамъ, главнымъ образомъ касались, по выраженію Филимонатуса, „здѣшнихъ нашихъ странъ“, занимавшихъ Москву прежде всего съ военно-дипломатической точки зрѣнія. Таковы, напримѣръ, письмо Юстуса къ Шляковскому, дополняющее собой „вести изъ немецкой, изъ шпанской, изъ

ѳранцужской, изъ дацкой, съ полской и из-иныхъ земель“ (см. коп. кур. 1642 — 1644, тетр. 4) и его же обстоятельное донесеніе отъ 25-го ноября 1643 г., въ которомъ весьма характерно слѣдующее сообщеніе: „здѣсь чаютъ, что ево царское величество не добро умышляетъ противъ коруны свѣйской“, что „межъ его царского величества і королевского величества дацкого есть де нѣкакие умыслы; а здѣсь тому вѣры не имѣютъ і не хотятъ вѣрить, что его царское величество его граѳской милости граѳу Волдемару“ (датскому принцу, побочному сыну Христіана IV) „оба княжества Новагорода и Пскова поступился і чаютъ того здѣсь, что настоятели і бояре Руского государства того не поволятъ, і его царское величество въ томъ неволенъ то учинить і для ради того мы здѣсь въ добромъ тщаніи, что никакова зла противъ коруны свѣйские не будетъ і не помыслятъ і не чаемъ, что ево царское величество за свою персону въ томъ поволитъ, что какое дурно учинить; да и то, что безъ ево царсково величества настоятелей не умѣть тово... нить, что война зачинать безъ причины“. Вопросу о пріѣздѣ въ Россію, для женитьбы на Иринѣ Михайловнѣ, королевича соперничавшей со шведами державы удѣляется очень много мѣста въ „посылныхъ грамоткахъ“ Филимонатуса. Свѣдѣніями на эту тему довольно обильны и тѣ вѣстовыя письма, съ которыми приходили его грамотки. На этихъ письмахъ или „листахъ“ [1]) слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

У Филимонатуса, слѣдившаго за всѣми фактами международной политики, были въ распоряженіи какіе-то помощники: такъ, онъ посылаетъ „нарошного“ въ Польшу „для провѣдыванія“, когда „межъ коруною Свѣйскою и Дацкою печальная война сталась“ (см. его письма къ Ш. отъ 3 февр. 1644 г. въ кур. 1642—1644, т. 20); помимо донесеній „нарошныхъ“, получалъ онъ вѣсти отъ неизвѣстныхъ намъ корреспондентовъ „изъ Данеска и изъ иныхъ мѣстъ“ (см. его письма отъ 13 нояб. 1643 г., тамъ же, тетр. 13 и 15). Къ числу послѣднихъ, должно быть, принадлежали наши зарубежные агенты; по крайней мѣрѣ, среди этихъ безыменныхъ сообщеній попадаются непосредственно къ Шляковскому обращенныя корреспонденціи, съ заявленіями отъ перваго лица: „Вѣдомо чиню княжеской милости, что...“ и т. п. (тамъ же, т. 13 и 15). Къ этимъ двумъ элементамъ, представляющимъ самостоятельное начало вѣстовыхъ писемъ, слѣдуетъ присоеди-

[1]) *А. Покровскій* (см. въ его очеркѣ стр. 31) желаетъ видѣть въ „листахъ“ летучія брошюры, ходившія въ Германіи и въ другихъ странахъ въ XVII ст., что объясняется недостаточнымъ знакомствомъ его съ курантами данной эпохи (1642—1644).

нить третій—рукописныя извлеченія изъ разныхъ газетъ. Прямыхъ указаній на присутствіе послѣдняго элемента въ вѣстовыхъ письмахъ мы не имѣемъ, но къ такому заключенію приводитъ сравненіе ихъ, со стороны формы и по содержанію, съ тогдашними газетами (см. вѣстовыя письма въ коп. кур. 1642—1644, тетр. 13, 16, 20 и др.). Впрочемъ, и донесенія Юстуса и сообщенія его сотрудниковъ и иного рода „листки“, входившіе въ составъ курантовъ, по характеру изложенія мало чѣмъ отличались отъ вышеизслѣдованнаго нами основного источника русской газеты, взятаго корреспондентами того вѣка за образецъ; но вотъ что является чрезвычайно характерной чертой вѣстовыхъ писемъ, заставляющей, сверхъ отмѣченныхъ двухъ элементовъ, считать ихъ выписками изъ газетъ: это—соединеніе на одномъ листкѣ, наподобіе телеграфныхъ вѣстей нынѣшняго времени, различныхъ корреспонденцій изъ разныхъ краевъ (см., напр., „Переводъ съ вѣстовыхъ писемъ, которые съ тѣми посылными грамотками присланы“ въ коп. кур. 1642—1644, т. 20). Считаемъ излишнимъ приводить обширныя выдержки изъ указаннаго въ настоящей главѣ матеріала, схожаго съ разработаннымъ въ предшествующемъ изслѣдованіи. Также нѣтъ нужды подчеркивать, что получаемыя черезъ Юстуса вѣстовыя письма и его собственныя грамотки являются послѣ газетъ новымъ источникомъ извѣстій, составляющихъ содержаніе нашихъ курантовъ. Однако, на этомъ еще не законченъ нашъ обзоръ даннаго источника и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельности его творца—Филимонатуса. Достаточно самаго бѣглаго знакомства съ „подданнственными писаніями“ нашего корреспондента, чтобы замѣтить въ нихъ, на ряду съ политическими извѣстіями, сообщенія совершенно иного рода. Эти сообщенія помѣщены или вперемежку съ первыми, или же въ отдѣльныхъ грамоткахъ, лишь вскользь упоминающихъ о текущихъ событіяхъ. „А что новаго“, лаконично говорится въ одной такой грамоткѣ, „и ваша князьская милость выразумѣетъ ис сего положенного писма“. Возьмемъ для примѣра, прежде всего, цитированное выше письмо, доносящее о толкахъ по поводу путешествія Вольдемара въ Россію. Здѣсь, кромѣ политическихъ новостей, находимъ такія сообщенія: 1) „Лекарство Полимантена Лянги“, „пара пистолей“ и часы будутъ присланы „съ первыми ездоками“; 2) „также бы і ваша княжекая милость обо мнѣ радѣлъ, чтобъ его царское величество велѣлъ мнѣ учинить годовое жалованье за мою работу и труды, сколко мнѣ царское величество пожалуетъ укажетъ на годъ і у ково мнѣ его имать“; 3) знакомое намъ донесеніе о томъ, какъ „мошно къ цар-

скому величеству еженедѣль вѣсти всякие писать". Разсматриваемая грамотка намѣчаетъ, такимъ образомъ, нѣсколько типовъ сообщеній особаго рода. По словамъ акад. А. И. Соболевскаго, переводчики посольскаго приказа не знали спеціализаціи; ихъ заставляли, кромѣ переводнаго дѣла, ѣздить съ московскими послами заграницу, отправляться туда въ качествѣ гонцовъ и вообще исполнять самыя различныя порученія [1]). Столь же разнохарактерной является дѣятельность Филимонатуса.

Присмотримся къ содержанію извѣстій перваго типа. Въ грамоткѣ отъ 30-го сентября 1643 г. Юстусъ, между прочимъ, сообщаетъ, что отличный знатокъ „крѣпостного извычая" и „иныхъ наукъ", инженеръ Индрикъ Мюлманъ, хочетъ служить русскому царю, если ему пришлютъ подорожную грамоту и „уговорной платежъ"; кромѣ того Юстусъ обѣщаетъ князю доставить ему нѣмецкихъ людей „каковы вамъ надобны, доброго конского учителя, который лошадей объезжаетъ и ихъ всякому извычаю учитъ, да и доброго повора" (коп. кур. 1642—1644, т. 6).

Въ другой грамоткѣ отъ 11-го декабря того же года онъ пишетъ, что изъ письма князя онъ „выразумѣлъ", что до него дошли „канбалы и цытроны" [2]); дальше читаемъ еще слѣдующее: „А я вамъ о всемъ вѣрно буду извѣщать и повора и игрецовъ и потѣшниковъ промыслю". „А книги и пистолы еще не купилъ и здѣся добрыхъ пистоловъ не добыть" (тамъ же, т. 15). Вотъ какія обязанности возлагались на литературнаго сотрудника курантовъ. Но этого мало: изъ нѣкоторыхъ его писемъ вполнѣ ясно обнаруживается, что Филимонатусъ дѣйствуетъ и въ качествѣ тайнаго агента московскаго правительства: онъ доноситъ о всякихъ слухахъ и толкахъ, касающихся нашихъ сосѣдей, выслѣживаетъ ихъ намѣренія, пріѣзжаетъ въ Псковъ о „нѣкоторомъ дѣле втайнѣ поговорить" (см. т. 20), и неоднократно выражаетъ готовность во всемъ „вѣренъ работать" царю; „а толко его царское величество",—говоритъ онъ въ грамоткѣ, писанной „на вѣдомомъ мѣсте 1644 году февр. въ 25 день",—„милостиво изволитъ пожаловать меня добрымъ числомъ годовымъ жалованьемъ, и я въ свои службу и радѣнье объявилъ и одно бы толко заботу имѣлъ

---

[1]) „Перевод. литер. Моск. Руси XIV—XVII в.", стр. 42.

[2]) О посылкѣ Юстусомъ князю „ризскихъ сушеныхъ камбаловъ да лимоновъ" говорится въ письмѣ отъ 9-го ноября 1643 г., гдѣ читаемъ еще такія строки: „А будетъ его царское величество изволитъ, велитъ прислать тѣхъ же ризскихъ канбаловъ", „и я полбочки добрыхъ канбаловъ пришлю" (коп. кур. 1642—1644, т. 9).

служить его царскому величеству и отъ всякаго дурна поберегать“ (тамъ же, т. 23; см. также коп. кур. 1643—1644, стр. 121). О „добромъ жалованьѣ“ приходилось ему частенько молить князя; эта нотка слышится въ цѣломъ рядѣ сообщеній: Юстусъ то и дѣло бьетъ челомъ, чтобы князь у его царскаго величества былъ за него „печаловалникомъ“, чтобы его труды въ забвеньѣ не были, такъ чтобы ему „было прожити и человѣкомъ быти и его царскому величеству по животъ служити вѣрно“ (тамъ же, тетр. 15); онъ неоднократно проситъ, чтобы его дарили „хвостами соболми“ и вообще обезпечили содержаніемъ (см. еще тамъ же, т. 6, 9, 30 и др.). Михаилъ Ѳеодоровичъ, судя по донесенію шведскаго агента Меллера 1631 г. [1]), былъ не въ мѣру экономенъ, когда дѣло шло о вознагражденіи иностранныхъ наемниковъ [2]).

Краткости ради не останавливаемся на сообщеніяхъ третьяго типа, относящихся, какъ видно изъ приведенной въ своемъ мѣстѣ выписки, къ дѣятельности Юстуса, какъ сотрудника курантовъ. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ извѣщеній, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлью составленія газеты, естественно наводитъ на вопросъ: изъ какихъ соображеній переводились и помѣщались въ ней эти чисто-дѣловыя свѣдѣнія? Мы отказываемся отъ всякой попытки освѣтить затронутый фактъ; дѣло въ томъ, что, кромѣ приведенныхъ примѣровъ, въ грамоткахъ нашего агента можно найти достаточное количество данныхъ, не только ничего не говорящихъ о текущихъ политическихъ событіяхъ, но носящихъ безусловно частный, даже интимный характеръ. Такія данныя содержитъ, напримѣръ, письмо Юстуса къ Шляковскому отъ 9-го ноября 1643 г., имѣющее такую приписку: „вашей княжеской милости сѣ мои грамоты и писанье прочесть и добрѣ поберечь или зжечь, и прошу о томъ отъ вашей княжеской милости отвѣту, такъ ли ты учинишь, чтобъ мнѣ было надежно и смѣло къ вашей княжской милости впередъ писать“. Возьмемъ изъ него пару выдержекъ, дающихъ достаточно ясное представленіе о характерѣ подобныхъ извѣстій: „А здѣсь прославили, что де ваша княжская милость у царского величества въ кручине за то, что ваше княжеская милость много хмелю держится, и какъ де ты бываешь пьянъ и ты де въ тѣ поры многихъ московского народу саблею побиваешь“; „А девица Катерина велѣла вашей княжской милости лю-

[1]) См. *Форстенъ*, „Балтійскій вопросъ“, т. II, стр. 368.

[2]) См. также письма къ Шляковскому Лаврентиюса Хрела и нѣмецкаго переводчика Матвѣя Вейгера, въ коп. кур. 1642—1644, т. 18, 9.

бительно поздравить и велѣла бити челомъ, чтобъ ваша княжская милость прислалъ бы къ ней пару соболей, какъ ваша княжская милость ей обещалъ“ (коп. кур. 1642—1649, т. 9). Вотъ еще образчикъ: „Даю вашей княжской милости вѣдомо, что здѣсь провѣдалъ, что Петръ Марселисъ у его царского величества і у его королевского величества Дацкого въ великой чести и жалованье, і для того ваша княжская милость жилъ остерегателно и поберегися“ (тамъ же, т. 12).

Совершенно непонятно, какимъ образомъ могли становиться достояніемъ курантовъ подобныя увѣдомленія, имѣвшія въ виду исключительно одного Шляковского. Можно, пожалуй, думать, что московское правительство, относясь къ князю Шляковскому съ недовѣріемъ, подвергало получаемую имъ корреспонденцію перлюстраціи.

Изъ другихъ лицъ, поставлявшихъ матеріалъ для курантовъ, назовемъ прежде всего Рижскаго секретаря Лаврентія Грелка, присылавшаго кромѣ „листовъ“ и собственныя грамотки [1]). Грелкъ былъ нашимъ политическимъ агентомъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, слѣдующее письмо его къ Шляковскому, отъ 29-го января 1644 г., въ которомъ онъ, подобно Юстусу, проситъ о мздѣ за свои труды (приводимъ его въ сокращенномъ видѣ). „Дожидаюся я противъ своихъ прежнихъ грамотокъ отъ его княжской милости съ великимъ жалованьемъ отвѣту“. „Сверхъ того слушу злые вымыслы“. „До сихъ мѣстъ я его царскому величеству вѣдомо чинилъ и мнѣ отъ его царского величества по сю пору ничего не бывало и впредь невѣдомо, будетъ ли мнѣ что за мою службу или нѣтъ и для тово я такое великое дѣло даромъ не хотѣлъ бы объявить“; „і будетъ отъ меня похотятъ тайные дѣла вѣдать і вамъ бы о томъ ко мнѣ нарошного надежново человѣка присылать; а ныне я въ Юрьеве Ливонскомъ живу, и писалъ о томъ во Псковъ къ Матвѣю Вейгеру“ (переводчику) „гдѣ меня найтитъ“ (коп. кур. 1642—1644, т. 18). Данное письмо показываетъ, что въ курантахъ вообще нерѣдко находила себѣ мѣсто дѣловая переписка, вовсе не или мало имѣвшая отношенія къ содержанію газеты; образчикомъ ея, кромѣ приведенныхъ примѣровъ, можетъ служить хотя бы „переводъ съ листа съ латинскаго писма каковъ писалъ ис Пскова ко князю Льву Шляковскому немецкой переводчикъ Матвѣй Вейгеръ ноября въ 28 день

[1]) См. донесеніе Ахамашукова Черкасского и Микифорка Талызина въ коп. кур. 1642—1644, т. 24 и „переводъ съ посылной грамотки, какова прислана изъ Юрья Ливонскаго къ переводчику къ Матвѣю Вейгеру отъ Лаврентья Грелла нынѣшняго 152-го генваря въ 29 день“ (тамъ же, т. 17).

въ нынѣшнемъ во 152-мъ году“: письмо это сообщаетъ о томъ, что окольничій князь и воевода Василій Петровичъ, „не задержавъ, отправилъ въ Москву присланные секретаремъ Лаврентіемъ на имя Шляковского „листы въ связке запечатанные“, и оканчивается слѣдующими словами: „по моей челобитной его царьского величества престола буди милостивой заступникъ и печалникъ и въ моей бѣдности меня не забуди“ (тамъ же, т. 9). Названный „немецкой переводчикъ“ также „къ Москве ссылалъ“ газеты [1]). Такихъ лицъ, присылавшихъ къ московскому двору иностранныя газеты, было довольно много. А. Покровскій совершенно справедливо говоритъ, что „кругъ этихъ лицъ представлялъ изъ себя общество, чрезвычайно пестрое по составу и положенію. Здѣсь мы видимъ того или другого иностранца, случайно получавшаго газеты изъ-за границы, новгородскихъ переводчиковъ, торговыхъ иностранныхъ людей, учениковъ и т. п.“ [2]). Но слѣдуетъ добавить, что, на ряду съ газетами, эти лица нерѣдко доставляли въ посольскій приказъ различнаго рода сообщенія, которыя никакъ нельзя обойти молчаніемъ при изученіи источниковъ нашей газеты. Эти сообщенія, въ отличіе отъ регулярно поставлявшагося Юстусомъ матеріала, носятъ по преимуществу характеръ случайныхъ корреспонденцій. Таковы письма, представляемыя въ посольскій приказъ комиссаромъ Христіана IV Петромъ Марселисомъ и освѣдомлявшія наше правительство, главнымъ образомъ, относительно Вольдемара и о войнѣ Швеціи съ Даніей. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на его собственное сообщеніе отъ 21-го января 1644 г. по поводу вторженія шведовъ въ „Голстенскую землю“ (коп. кур. 1642—1644, т. 18) и на извѣстіе о морскомъ сраженіи, въ которомъ „одолѣнье далъ Богъ Датцкому королю“, выписанное „изъ грамотки Петра Марселиса, что писалъ ему изъ города Гданска торговой человѣкъ, прикащикъ ево Петровъ изо Гданска въ нынѣшнемъ во 153-мъ году сентября въ 29 день“ (тамъ же, т. 17).

Затѣмъ отмѣтимъ донесенія, подаваемыя въ посольскій приказъ шведскимъ резидентомъ Петромъ Крузбіорномъ. Приводимъ въ выдержкахъ одну изъ его челобитныхъ, содержащую интересныя въ бытовомъ отношеніи подробности и имѣющую такое заглавіе: „Переводъ съ немецково писма, что подалъ въ посольскомъ приказе дьякомъ:

---

[1]) См., между прочимъ, „переводъ съ посылной первой грамотки, что пишетъ изъ Риги Юстусъ Онлим. въ Псковъ къ переводчику къ Матвѣю Вейгеру“ въ коп. кур. 1642—1644, т. 9.

[2]) Къ истор. газ. въ Рос., стр. 14.

думному Григорью Львову да Михайло Волошенинову свѣйской агентъ Петръ Крузбиорнъ въ нынѣшнемъ во 152-мъ году октября въ 4 день".

„Всемилостивѣйшему царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всея Русіі самодержцу, вашему царскому величеству, не могу утаить, чтобъ не объявить, что мнѣ учинилось налогъ и безчестья въ нынѣшнемъ во 152-мъ году сентября въ 26-мъ числѣ въ 3-мъ часу ночи отъ князя Льва Олександровича" (т. е. Шляковского). „Пьянъ будучи приезжалъ х королевскому Свѣйскому двору, насилствомъ приступать хотѣлъ со многими людми, которые по ночамъ ходятъ озорнымъ обычаемъ; и то услышели его королевина величества салдаты, которые у меня караулятъ, и они было принялись за свои шпаги и толко бы я самъ такова шуму не услышелъ и не выбежалъ и межъ бы ими бес смертново убойства не миновалося. И про такое насилство вашему царскому величеству не могу молчать, что не бити челомъ". „В другорядъ въ нынѣшнемъ же во 152-мъ году октября въ 1 день на волной вашего царскаго величества на людей моихъ наѣхалъ, и меня бранилъ" „і хотѣлъ ихъ бить ослопьемъ, в желѣза ихъ ковать". „И такая великая неправда непохвала у басурманскихъ людей" (коп. кур. 1643—1644, стр. 104—107). Въ другой челобитной Крузбіорнъ жалуется на дьяковъ и приказныхъ людей, что они „противно мирному договору" надъ нимъ и его людьми чинятъ всякія обиды, „емлютъ і велятъ хватать моихъ людей и сажать въ желѣза и держать въ заключенье, и бороды і волосы зголо обдираютъ и мучатъ не покрестьянскиі" (тамъ же, стр. 137—141). Шведскій агентъ любилъ о себѣ напоминать московскому правительству; на это указываетъ еще рядъ „свѣйскихъ грамотъ", поданныхъ имъ „отъ государыни Христины, королевины свѣйского королевства". Такъ, напр., грамота Христины отъ 15-го генваря 152 г. представляетъ вѣрящее письмо на „тысячю рублевъ денегъ" взаймы изъ русской казны (тамъ же, стр. 141).

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о доставляемой въ посольскій приказъ частной перепискѣ между иностранцами. Преобладающее ея содержаніе составляютъ политическія событія того времени; рѣже заключаетъ она въ себѣ торгово-промышленныя извѣстія. О торговыхъ дѣлахъ сообщаетъ, напр., „переводъ съ посылные грамотки, что пишетъ изъ Колывани Дирикъ Далъ къ торговому иноземцу къ Захарью Геретцену въ нынѣшнемъ во 151-мъ году сентября въ 9 день"; торговый нѣмчинъ Далъ извѣщаетъ своего честнаго и особно добраго друга, проживающаго въ Москвѣ, что послалъ къ нему двѣ бочки краски вѣсомъ

въ 9 пудъ 34 гривенки (коп. кур. 1642 — 1644, т. I). Изъ писемъ иностранцевъ политическаго содержанія можно указать, напр., слѣдующіе образчики: „переводъ з грамоты, что пишетъ Датцкой резидентъ Петръ Виби къ Петру Марселису въ нын. во 152-мъ г. окт. въ 7 числѣ“ [1]) (рѣчь идетъ о томъ, какъ относится Швеція къ сватовству принца Вольдемара, см. тамъ же, т. 4), „Переводъ съ списка съ латинскаго листа, каковъ писалъ господинъ баронъ де Авалборъ къ архіепископу Гнезненскому и къ инымъ сенаторамъ короны Полской“ (извѣстія касаются 30-л. войны, тамъ же, т. 8). „Переводъ съ списка з грамоты, что писалъ из Ругодива в Ригу къ воеводе началному новой резидентъ Петръ Антоней Леѳелди декабря въ 1 день прошлого 1643 году“. Леѳелди, т. е. Лоффельтъ, пріѣхавшій въ Россію на смѣну Крузбіорна, не былъ допущенъ до Москвы, какъ это онъ самъ объясняетъ, и ему пришлось „отъ рубежа отъ Новагородка съѣхать въ Ругодивъ“, откуда королева приказала ему доносить обо всемъ, что возможно провѣдать насчетъ русскихъ; на этомъ основаніи сообщаетъ онъ, что изъ Москвы посылаютъ на рубежъ къ Вольдемару навстрѣчу „подчтенного боярина“, что русскіе люди нынѣ подлинно знаютъ, что Вольдемаръ „короля Дацкого сынъ, только де по матере не изъ княжского колѣна родомъ“, „а во Пскове вѣсти носятся, что де съ Москвы посылаютъ иноземцовъ противъ колмаковъ съ триста милевъ отъ Москвы“; къ послѣднему извѣстію Лоффельтъ относится съ недовѣріемъ и совѣтуетъ остерегаться русскихъ людей и въ мирное время (тамъ же, т. 18).

Наконецъ, къ разсматриваемой группѣ случайныхъ корреспонденцій относятся различные акты или публикаціи, исходящіе отъ иностранныхъ правительствъ. Таковъ, напр., „переводъ съ печатного листа, что велѣла печатать Свѣйская королева и разослать въ своей землѣ всѣмъ своимъ подданнымъ, о чемъ всчалась война промежъ Свѣйского и Дацкого королевства ихъ земля“. Манифестъ этотъ, излагающій причины возникшей въ 1644 г. войны между Швеціей и Даніей, представляетъ любопытный архивный матеріалъ; его оригиналъ, по словамъ проф. Форстена, сохранился въ Берлинскомъ архивѣ [2]).

[1]) Этому письму можно бы отвести мѣсто и среди поставляемыхъ Марселисомъ грамотокъ, но слѣдуетъ замѣтить, что выдѣляемыя нами въ особую группу случайныя извѣстія очень трудно строго отграничить другъ отъ друга, такъ какъ помѣты о томъ, что кто доставилъ (напр., „Переводъ съ списка проѣзжей грамоты съ латынскаго письма, каковъ прислалъ Государю Петръ Марселисъ съ шуриномъ съ Вилимомъ Барнили декабря въ 11-й день“ коп. кур. 1642—1644, т. 15), встрѣчаемъ сравнительно рѣдко.

[2]) „Балт. вопросъ“, т. II, стр. 516.

IX.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, вопреки господствующему мнѣнію, не однѣ иностранныя газеты служили источникомъ при составленіи нашихъ курантовъ. На ряду съ газетами, составители курантовъ обильно пользовались еще цѣлымъ рядомъ иныхъ передатчиковъ свѣдѣній о Западѣ, сведенныхъ нами, для удобства изслѣдованія, къ двумъ дополнительнымъ источникамъ для русской газеты. Послѣдніе, сходясь съ иностранными газетами по своему происхожденію, представляютъ существенное отъ газетъ отличіе въ томъ, что въ нихъ совершенно ясно выдѣляется самостоятельный, собственный матеріалъ, правда, не всегда предназначавшійся непосредственно для курантовъ, но, во всякомъ случаѣ, не взятый на прокатъ изъ чужеземныхъ изданій. Но теперь спросимъ себя: не было ли, кромѣ переводныхъ текстовъ, и чисто-русскаго элемента у курантовъ? Вопросъ приводитъ насъ къ знакомству съ новымъ отдѣломъ сообщеній, входившихъ въ составъ курантовъ. Этотъ отдѣлъ составитъ четвертый и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній источникъ курантовъ.

Подъ 1644-мъ годомъ читаемъ: „Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіі холопи твои Васка“ (окольничій князь Василій Петровичъ) [1]) „Ахамашуковъ Черкаской, Микиѳорко“ (дьякъ Никифоръ [2]) „Талызинъ челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 152-мъ году марта въ 5 день принесъ къ намъ холопемъ твоимъ переводчикъ Матвѣй Вейресъ въ одномъ пучку неметцкое писмо, а сказалъ: прислалъ де къ нему то писмо изъ Юрьева Ливонского Рижской секретарь Лаврентей Грелкъ, и въ грамоткѣ къ нему Матвѣю писалъ, чтобъ то писмо послать къ Москве наскоро ко князю Лву Шлаковскому. Да онъ же де Лаврентей писалъ, что у Датцкихъ людей съ свѣйскими людми былъ бой въ Ѳунской землѣ и Датцкіе люди свѣйскихъ людей побили и многихъ въ полонъ поимали“... „Да онъ же Лаврентей писалъ къ нѣму Матвѣю, что ему для твоего государева дѣла видетца съ нимъ Матвѣемъ да съ Петровымъ приказщикомъ Марселиса съ Арлбрехтомъ Ѳандоблокомъ отъ Печерского монастыря за три версты въ Печерской деревни въ Ракоборе марта въ 14 день и говорить твое государево всякое тайное дѣло“ (коп. кур. 1642—1644, т. 24). Подобныя извѣщенія, непосредственно обращенныя къ

[1]) *Ал. Барсуковъ*, „Списки город. воеводъ и друг. лицъ воеводск. упр. Моск. госуд. XVII ст.“ (С.-Пб. 1902 г.), стр. 184.

[2]) Тамъ же, стр. 185.

царю, поступали въ посольскій приказъ, въ качествѣ данныхъ, освѣдомлявшихъ Москву о Западѣ, и помѣщались затѣмъ въ курантахъ. Эти агентурныя донесенія представляютъ въ литературномъ отношеніи вполнѣ оригинальный и притомъ собственно русскій источникъ нашихъ курантовъ. Его составъ довольно сложенъ. Прежде всего, какъ мы видимъ, матеріаломъ для такихъ донесеній служили устныя и письменныя сообщенія московскихъ агентовъ-иностранцевъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи посольскаго приказа. Другимъ элементомъ, входившимъ въ составъ даннаго источника, были свѣдѣнія, добываемыя по точнымъ инструкціямъ самими русскими правительственными агентами. „Для провѣдыванья вѣстей“ послѣдніе посылались въ города западной окраины Московскаго государства. „По твоему государеву указу“, доносятъ тѣ же вышеупомянутыя лица, „велено намъ холопемъ твоимъ во Пскове и во всѣхъ Псковскихъ пригородахъ и въ уѣздехъ жить съ великимъ береженьемъ не оплошно и развѣдать накрѣпко, въ которыхъ городѣхъ въ Ливонской землѣ и многіе ль ратные люди въ зборѣ, и хто у нихъ началные люди, и о кое время и куда походу ихъ чаять, и про всякие... развѣдывать подлинно, что у нихъ ныне дѣлаетца“, „а отписку велено отдать въ посолскомъ приказе твоимъ діакомъ думному Григорью Львову да Михаилу Волошенинову“ (тамъ же, т. 25).

„Для вестей“, кромѣ того, пользовались услугами жителей пограничныхъ городовъ, и получаемыя отъ нихъ свѣдѣнія также попадали въ русскія агентурныя сообщенія. Такъ, „холопи“ Глѣбка Морозовъ (новгородскій воевода) и дьякъ Филишка Арцыбашевъ доносятъ Михаилу, что „посацкой человѣкъ Кирилко Беляевъ“ ѣздилъ на свѣйскій рубежъ, гдѣ нѣмчина Ганца про разныя вѣсти спрашивалъ; „а про твое, государь, государство тотъ немчинъ сказалъ, что де у свѣйскихъ людей никакова помыслу нѣтъ, что-де они, государь, отъ твоего государства боятца сами“ (тамъ же). Еще одинъ элементъ русскихъ донесеній — это разспросныя рѣчи пріѣзжихъ русскихъ и особенно иноземныхъ торговыхъ людей. Въ вышецитированномъ донесеніи Ахамашукова и Талызина, между прочимъ, сообщается, что февраля въ 27 день (1644 г.) сказывалъ имъ переводчикъ Матвѣй Вейресъ, „что онъ слышалъ отъ Петрова приказщика Марселиса отъ Албрехта Ѳанъ-Доблока и отъ иныхъ немецкихъ людей, которые во Псковъ на Гостинъ неметцкой дворъ для торговли пріѣзжаютъ, что-де въ Риге и въ Юрьеве Ливонскомъ и в-ныхъ Ливонскихъ городѣхъ немецкіе люди городы крепятъ и запасы запасаютъ для осадного времени, а

ково имъ опасенье, тово ему не сказалъ. Да февраля-жъ, государь, въ 29 день сказывалъ намъ холопемъ твоимъ псковитинъ посадцкой человѣкъ, таможенный голова Ѳедоръ Омельяновъ, что онъ слышалъ на немецкомъ дворѣ отъ пріѣзжихъ неметцкихъ людей отъ Рижанъ и отъ Ругодивцевъ и отъ Иванегородцевъ русскихъ людей, которые пріѣзжаютъ для торгу во Псковъ на неметцкой дворъ, что немецкие люди опасаютца-де приходу твоихъ государевыхъ ратныхъ людей, потому что у Свѣйскихъ людей съ Датцкимъ королемъ война, а Датцково де короля сынъ Волдемаръ Християнусовичъ пріѣхалъ къ тебѣ государю къ Москве, и они де отъ тово держатъ опасенье великое“ (т. 25). Слѣдуетъ замѣтить, что торговыхъ людей, пріѣзжавшихъ „во Псковъ на немецкой дворъ“, вѣдалъ посольскій приказъ, имѣвшій, по словамъ И. Вернера, высшій надзоръ за вновь присоединяемыми по западной границѣ къ Москвѣ областями [1]).

Такимъ образомъ, безпристрастный анализъ источниковъ, изъ которыхъ составлялись куранты, показываетъ, что послѣдніе представляютъ собою не одну лишь копію съ европейскихъ образцовъ; наша рукописная газета не лишена вовсе литературной самостоятельности: въ ней можно замѣтить кое-какія оригинальныя черты, въ ней кое-гдѣ явственно проступаетъ нѣкоторое творческое начало, привносимое не только связанными тѣми или другими отношеніями съ Москвой иноземцами, но и русскими людьми. Однако, справедливость требуетъ сказать, что не эти черты самобытности давали тонъ и физіономію газетѣ; у курантовъ было слишкомъ мало „собственнаго запаха“, потому что, во-первыхъ, ихъ главную основу составлялъ чужой матеріалъ, а, во-вторыхъ, въ роли русской газеты они служили отраженіемъ почти исключительно нерусскихъ событій. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ тотъ выводъ, что куранты не были и газетой. Въ программу курантовъ входила только иностранная жизнь и при томъ лишь нѣкоторыя ея проявленія, и въ этой отмежеванной въ ихъ вѣдѣніе спеціальной области они и выполняли свое назначеніе, какъ органъ періодической прессы.

Въ самомъ дѣлѣ, куранты, прежде всего, какъ показало наше изслѣдованіе, сообщали извѣстія о событіяхъ текущей жизни. Мы здѣсь приведемъ нѣсколько дополнительныхъ данныхъ относительно сроковъ составленія и степени свѣжести этихъ извѣстій.

Для періода времени послѣ учрежденія почты А. Покровскій ука-

[1]) „О времени и причинахъ образованія моск. приказовъ“ (М. 1908), вып. II, стр. 186 и др.

зываетъ въ видѣ примѣра слѣдующіе сроки газетъ, переведенныхъ въ 1682 г.: января 20, 17, февраля 3, 10, 16, 24, марта 3, 10, 24, 31, апрѣля 1, 17, мая 1, 14, 26 и пр. [1]). Ограничиваясь этимъ мало краснорѣчивымъ показаніемъ, Покровскій бездоказательно говоритъ, что „точнаго, опредѣленнаго вывода здѣсь дать невозможно; особенно это замѣчаніе относится къ тому періоду, когда у насъ не было еще установлено правильнаго почтоваго сношенія съ западными государствами“ [2]). Это мнѣніе слѣдовало обосновать подробными фактическими свѣдѣніями. На основаніи доступныхъ намъ матеріаловъ, мы приведемъ нѣкоторыя цифровыя данныя для періода, который предшествовалъ устройству иностранной почты. Для примѣра возьмемъ ноябрь 1643 г. и посмотримъ, насколько часты и обильны были тѣ вѣсти, которыя приносили куранты. Прежде всего отмѣтимъ „Переводъ съ письменныхъ и съ печатныхъ съ нѣметцкихъ листовъ вестовые, что присланы изо Пскова въ нынешнемъ во 152-мъ году ноября въ 22 день“; здѣсь извѣстія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: изъ Гаги отъ 3-го октября, оттуда же отъ 3-го октября, изъ Данцыха отъ 3-го ноября и еще отъ 3-го ноября, изъ Париса отъ 20-го сентября, изъ Стетина отъ 28-го октября, изъ Лундена отъ 2-го октября, изъ Амбарха отъ 20-го сентября, изъ Брина отъ 10-го сентября и 14-го сентября, изъ Праги отъ 15-го и 24-го сентября, изъ Вѣдны отъ 1-го сентября, изъ Остеррода отъ 19-го сентября, изъ Стетина отъ 24-го сентября, и изъ другихъ городовъ отъ 27 окт., 23 окт., 18 окт., 13 сент., 19 сент., 22 сент., 14 сент., 27 сент., 18 окт., 2 окт. (см. коп. кур. 1642—1644, т. 9—11). Кромѣ того, къ ноябрю 1643 г. относится рядъ грамотокъ съ „листами“ отъ Юстуса Филимонатуса; грамотки его помѣчены, между прочимъ, 3, 5, 14, 16, 21, 25, 28 ноября [3]) (см. коп. кур. 1642—1644, т. 11, 12 и коп. кур. 1643—1644, стр. 93—104); приложенные къ нимъ „листы“ содержатъ извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отъ 3, 7, 8, 10, 15, 20 и другихъ чиселъ ноября. Оставляя въ сторонѣ „листы“ и сообщенія, присланные за этотъ мѣсяцъ другими лицами, можемъ смѣло сказать, что языкъ цыфръ лишній разъ подтверждаетъ наше положеніе, что еще до установленія правильныхъ сношеній съ заграницей у насъ существовала замѣняв-

---

[1]) „Къ исторіи газеты въ Россіи“, стр. 35.

[2]) Тамъ же.

[3]) Подъ такими датами онѣ писаны, но можно предположить, что нѣкоторыя изъ нихъ тогда-то получены, такъ какъ въ помѣтахъ на курантахъ эти термины иногда явно смѣшиваются.

шая почту болѣе или менѣе регулярная доставка заграничныхъ извѣстій; эти объективныя показанія цыфръ говорятъ намъ еще о томъ, что Москва еще до половины XVII столѣтія умѣла почти своевременно узнавать о томъ, что происходило въ Европѣ, получая черезъ куранты въ изобиліи если не всегда новѣйшія, то, во всякомъ случаѣ, не особенно запоздалыя свѣдѣнія о текущихъ новостяхъ изъ западнаго міра.

Но возникаетъ вопросъ: для кого существовали наши куранты, кого они имѣли въ виду, какъ своего читателя? Данныя для рѣшенія вопроса заключаетъ въ себѣ самый памятникъ въ видѣ слѣдующихъ надписей, сдѣланныхъ на многихъ столбцахъ: „государю чтено“ (см. коп. кур. 1642—1644, т. 18, 24), „Великимъ государемъ и сестрѣ ихъ Великой государыне Благородной Царевне извѣстно, а бояромъ чтено“ (см. кур. 1684 г., рукоп. ак. н., перепл. № 3, на оборотѣ листка съ извѣстіемъ о казни великаго визиря), или: „государю чтено и бояромъ“, „чтено бояромъ“. „185 (1677 г.) сентября въ 1 великому государю чтено въ комнатѣ, а бояре слушали въ передней“, „185 (1677 г.) сентября въ 9 великому государю чтено въ комнатѣ, при комнатныхъ боярахъ, челъ думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ“ и т. п. [1]). Изъ подобныхъ приписокъ видно, что куранты, говоря словами А. Булгакова, составлялись „токмо для царскаго употребленія и для приближенныхъ Министровъ Его Величества“ [2]). Другія надписи [3]) свидѣтельствуютъ о томъ, что съ столбцами обращались очень бережно, какъ съ личной собственностью государя. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ думать, что куранты были лишь государевымъ дѣломъ, что они предназначались исключительно для царя, такъ какъ царь былъ воленъ приглашать бояръ или не приглашать къ чтенію курантовъ [4]). Нельзя оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что куранты составлялъ посольскій приказъ, т. е. тогдашнее министерство иностранныхъ дѣлъ, создавшее, можно сказать, замѣчательную организацію по доставкѣ заграничныхъ извѣстій,—это во-первыхъ; во вторыхъ, приближенные царя, дѣлившіе съ нимъ чтеніе столбцовъ, были членами боярской думы, т. е. постоянными совѣтниками царя и въ

---

[1]) „Къ исторіи газеты въ Россіи“, стр. 28, 29.

[2]) „Отвѣтъ на библіогр. вопросъ“, стр. 7.

[3]) „Къ исторіи газеты въ Россіи“, стр. 37.

[4]) *Калицкій*. „Зарожденіе періодич. печати въ Россіи“, стр. 3; также „Къ исторіи газеты въ Россіи“, стр. 30, 37.

извѣстномъ смыслѣ даже соучастниками верховной власти [1]). Стало быть, въ курантахъ надо видѣть не придворныя вѣдомости [2]), а официальный органъ московскаго правительства, посредствомъ котораго послѣднее слѣдило за событіями въ иностранныхъ государствахъ. Признаніе этого факта по существу нисколько не противорѣчитъ вышеприведенному документальному свидѣтельству о томъ, что куранты считались какъ бы личной собственностью московскихъ царей: здѣсь имѣемъ дѣло съ традиціоннымъ „вотчинно-династическимъ“ взглядомъ, по которому государство понималось какъ нѣчто, существующее для личныхъ надобностей государя-хозяина [3]); въ дѣйствительности же существованіе курантовъ менѣе всего могло быть обусловлено предназначеніемъ ихъ „токмо для царскаго употребленія“, такъ какъ они и въ высшей формѣ своего развитія, и въ своемъ происхожденіи представляли непосредственный результатъ міровой политики Россіи и вообще общенія ея съ Западомъ, или, другими словами, стремленія центра и общественныхъ верховъ къ новой культурѣ. Этотъ коренной фактъ былъ въ своемъ мѣстѣ нами установленъ (см. гл. IV).

Пользуясь всѣми этими данными, мы приходимъ къ выводу, что государевы куранты носили на себѣ государственный характеръ. Государственное значеніе признаетъ за курантами и г. Покровскій, видящій въ нихъ въ то же время чисто придворный органъ [4]); только редакторъ II выпуска „Вѣдомостей времени Петра Великаго“ настолько сузилъ это значеніе, что далъ поводъ г. Балицкому, почерпнувшему изъ его статьи свои свѣдѣнія о курантахъ, объявить послѣдніе не имѣющей ничего общаго съ газетой офиціальной бумагой [5]). По замѣчанію Покровскаго, куранты „служили, такъ сказать, въ помощь къ донесеніямъ пословъ“ [6]). Такую исключительно служебную роль куранты, несомнѣнно, играли первоначально, когда они только-что зарождались (см. гл. IV), но впослѣдствіи, съ усложненіемъ и развитіемъ нашихъ связей съ Западомъ, они служили не только „въ помощь“ посольскимъ донесеніямъ, но отвѣчали той насущной потребности нашихъ правительственныхъ круговъ по горячимъ слѣдамъ знакомиться съ дѣлами Европы, которая вызывалась не только необходимостью

---

[1]) См. *Ключевскій*. „Боярская дума древней Руси“ (изд. 3-е, М. 1902), стр. 503.
[2]) См. по Покровскому его очеркъ, стр. 37, 92.
[3]) См. объ этомъ Ключевскій „Курсъ русской исторіи“, ч. III, стр. 61, 62.
[4]) См. его очеркъ, стр. 30, 36, 37.
[5]) „Зарожденіе періодич. печати въ Россіи“, стр. 6.
[6]) См. стр. 36, 94 его очерка.

воевать съ просвѣщенными сосѣдями, но и учиться у нихъ (однимъ изъ первымъ уроковъ, принятыхъ Москвой отъ Запада, были сами куранты). Что это такъ, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что, кромѣ чисто политическихъ новостей, мы находимъ въ курантахъ свѣдѣнія объ „иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти“, и что вообще, изъ иностранныхъ газетъ, вопреки мнѣнію г. Покровскаго (см. гл. V), переводились не извѣстныя мѣста, но обыкновенно все цѣликомъ: вѣдь и политическія извѣстія въ огромномъ процентѣ не представляли для русскаго правительства ничего злободневнаго. Мы не говоримъ уже о томъ, что тутъ могла дѣйствовать и другая, такъ сказать, внѣгосударственная причина — именно то заложенное въ человѣческой душѣ любопытство къ новостямъ, изъ котораго, какъ это было выяснено, родилась европейская повременная печать. Конечно, эта причина, если она существовала (въ чемъ сомнѣваться трудно), играла очень подчиненную роль рядомъ съ государственными мотивами; но зато ей именно слѣдуетъ приписать тотъ знаменательный фактъ, что государевы столбцы находили себѣ дорогу и въ неправительственную среду. Объ этомъ свидѣтельствуютъ современные рукописные сборники, куда попадали, неизвѣстно, какими судьбами, нѣкоторыя извѣстія изъ курантовъ; нѣсколько такихъ сборниковъ хранится въ Публичной Библіотекѣ [1]); не мало отрывковъ изъ курантовъ, какъ показываютъ многія рукописи XVII в. [2]), ходило и въ отдѣльныхъ спискахъ. Кромѣ того, очень вѣроятно, что наиболѣе любопытныя изъ вѣстей, сообщаемыхъ курантами, распространялись въ народѣ стоустой молвой. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что матеріалъ, которымъ наполнялись куранты, не оставался въ строгой тайнѣ и хотя бы въ очень небольшихъ выдержкахъ доходилъ до свѣдѣнія массы. Такимъ образомъ, сведя все сказанное, мы приходимъ къ такому заключенію: куранты были созданіемъ высшихъ представителей власти Московскаго государства, въ рукахъ которыхъ они были монополизированы;

---

[1]) См. объ этомъ „Первыя Русскія Вѣдомости“ (1855), стр. 8 предисл.

[2]) См. *Д. Прозоровскій.* „Опись древн. рукоп., хранящихся въ музеѣ Императ. Русскаго Археологическаго Общества“, С.-Пб. 1879: № 246, 247, стр. 226 (выписки изъ кур. 1697 г.), № 204, стр. 184 („Переводъ с листа полскаго писма“ 1678 г.), № 43, стр. 66—68 (изъ 73 л. рукоп. 34 представляютъ отрывки изъ кур.); „Опис. славяно-росс. рукоп. Толстова“, изд. К. Калайдовича и П. Строева, М. 1825, отд. II, № 151, стр. 311 (отрывокъ вѣдомости о полит. дѣлахъ Европы); издан. по позднѣйшимъ спискамъ отрывки изъ кур. 1655, 1665 и 1682 г. (см. гл. III, примѣч.) и др. Иныя свѣдѣнія у Покровскаго, на стр. 30, 31.

не будучи разсчитаны на обращеніе въ обществѣ, куранты не были, однако, лишены, такъ сказать, пестрой, газетной аудиторіи; слѣдовательно, нѣтъ основанія категорически утверждать, будто куранты имѣли очень мало общаго съ прессой, такъ какъ имъ недоставало ея основного признака—публичности [1]). Конечно, курантамъ далеко до современнаго типа журнализма, но вѣдь дѣло идетъ лишь о первыхъ зачаткахъ этого литературнаго жанра.

Наша рукописная газета была создана правительствомъ исключительно для себя, но ея составъ находился въ зависимости отъ тѣхъ, кто давалъ для нея матеріалъ; послѣдній, слѣдовательно, могъ содержать тенденціозно изложенные или подобранные факты. Такъ, свѣйскій резидентъ Крузбіорнъ, какъ справедливо говоритъ Соловьевъ [2]), подавалъ въ посольскій приказъ вѣстовыя письма и, прибавимъ, „печатныя тетрати“ о шведскихъ побѣдахъ въ Германіи, во время 30-лѣтней войны [3]). Очень замѣтно проглядываетъ тенденція въ тѣхъ сообщеніяхъ, которыя доставлялъ комиссаръ Христіана IV Петръ Марселисъ, касаются ли они успѣховъ или неудачъ датскаго оружія [4]). Публицистическій элементъ мы ясно видимъ и во многихъ писаніяхъ Юстуса Филимонатуса. Въ грамоткѣ его изъ Риги отъ 25-го ноября 1643 г., которую мы не разъ цитировали, между прочимъ, читаемъ: „мы здѣсь въ добромъ тщаніи, что никакова зла противъ Коруны Свѣйские не будетъ і не помыслятъ і не чаемъ, что ево царское величество за свою персону въ томъ поволитъ, что такое дурно учинить; да и то, что безъ ево царского величества настоятелей не умѣть тово... нить, что война зачинать безъ причины“. Юстусъ, очевидно, на два фронта дѣйствовалъ, такъ какъ мы знаемъ,

---

[1]) *Л. Майковъ.* „Нѣсколько данныхъ для истор. русск. журнал.“, стр. 378; вотъ еще мнѣніе Балицкаго: „куранты не удовлетворяютъ главному условію, чтобы назваться газетой—у нихъ не было гласности, они предназначались опредѣленному, конкретному лицу—царю, а не безличной публикѣ“ (стр. 4).

[2]) „Исторія Россіи“, кн. II, стр. 1233 (Изд. Общ. П.).

[3]) См., напримѣръ, присланное имъ „подлинное розсказанье“ о дѣйствіяхъ Торстенсона подъ Лейпцигомъ (коп. кур. 1643—1644, стр. 107—116).

[4]) Напримѣръ, „Вѣсти выписаны из грамотки Петра Марселиса, что писалъ къ нему изъ города Гданска торговый человѣкъ, прикащикъ ево Петровъ въ нынешнемъ во 153-мъ году, сентября въ 29 день“ о побѣдѣ короля надъ свѣйскими людьми (коп. кур. 1642—1644, т. 17); или въ другой грамотѣ отъ 21-го января того же года Марселисъ сообщаетъ, что шведы неожиданно „Голстенскую землю разорили и пограбили“, между тѣмъ, какъ „Дацкій король никакой недружбы отъ свѣйской короны не чаялъ“ (тамъ же, т. 18).

что онъ усердно служилъ русскому правительству. Что Юстусъ былъ далеко не всегда объективенъ самымъ выборомъ извѣстій, показываютъ хотя бы слѣдующія выдержки изъ его грамотокъ: „Се вѣсти ко мнѣ присланы и я послалъ къ вашей князьской милости, какъ есть любителю такихъ дѣлъ и иныхъ новыхъ вестей". (Коп. кур. 1642—1644, т. 21).

„И только бъ мнѣ отъ его царского величества было чево надѣятися, и я бъ нѣчто объявилъ, о которомъ много надлежитъ; и потомъ что мнѣ за то ничего не припомянуто и надѣетца не на что, и по семъ о такомъ дѣле умолкну и дожидаюсь отъ вашей князьской милости, что мнѣ отвѣтъ, а я вѣдаю про все дѣло добро і отвѣдать" (коп. кур. 1643—1644, стр. 121).

X.

Итакъ, Петръ Великій имѣлъ уже готовый образецъ, онъ принялъ и усовершенствовалъ то, что ему завѣщали его предшественники. Историческое преемство между рукописными курантами и первопечатными „Вѣдомостями" внѣ всякаго сомнѣнія. Именной указъ отъ 16-го декабря 1702 г. о печатаніи „курантовъ" былъ приведенъ въ исполненіе 27-го декабря того же года [1]) напечатаніемъ дневника взятія Нотебурга подъ названіемъ „Юрналъ или поденная роспись, что въ мимошедшую осаду подъ крѣпостію Нотебургомъ чинилось. Сентября съ 26 числа въ 1702 году" [2]). Первый номеръ „Вѣдомостей", какъ извѣстно, появился только 2-го января 1703 года; здѣсь мы находимъ очень запоздалыя,—Нотебургъ сдался 11-го октября 1702 г.,—свѣдѣнія о томъ, что „еще много трудовъ имѣти будутъ, покамѣстъ ту крѣпость обладаютъ" [3]), и только въ № 3 отъ 15 января мы читаемъ о томъ, какъ „полковникъ Шлипенбахъ комендантъ того мѣста принужденъ былъ знакъ къ здаче подать". „Замѣчательный", какъ его называетъ Пекарскій [4]), „Юрналъ" о взятіи шведской крѣпости, открывшій цѣлый рядъ тѣхъ листовыхъ реляцій или отдѣльныхъ публикацій о важнѣйшихъ событіяхъ Сѣверной войны, которыя обыкновенно давали матеріалъ для „Вѣдомостей" или даже просто перепечатывались въ нихъ [5]),—въ сущности, не представлялъ ничего

---

[1]) См. *Пекарскій*, „Наука и лит. въ Россіи при Петрѣ В.", т. II, стр. 66.

[2]) См. въ „Книгѣ Марсовой или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества россійскихъ" (не выпис. полн. загл.), 2-е изд. 1766 г., стр. 1—13.

[3]) Цитир. по экземпл., находящ. въ Публ. библ.

[4]) Назв. соч., т. I, стр. 269.

[5]) О петровскихъ реляціяхъ см. у *Пекарскаго*, т. II назван. соч.; также „Ката-

новаго [1]). Данную литературную форму Петру не пришлось ни придумывать, ни искать на сторонѣ; царю ничего не стоило взять шаблонъ, бывшій у него подъ рукой, и приспособить къ своимъ цѣлямъ.

Первому печатному номеру „Вѣдомостей“, кромѣ „Юрнала“ о взятіи Нотебурга, предшествовало нѣсколько пробныхъ номеровъ, хранящихся понынѣ въ Московской синодальной типографіи, исторической преемницѣ Печатнаго двора. Эти рукописныя газеты 1702 г. остались ненапечатанными, замѣнивъ собой только-что прекратившіеся куранты, при чемъ дали матеріалъ для „Юрнала“ и затѣмъ отчасти для первыхъ номеровъ „Вѣдомостей“ [2]).

Подмѣченныя переходныя ступени отъ писанныхъ отъ руки и неподлежавшихъ оглашенію извѣстій къ печатнымъ, предназначеннымъ для „объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ“, указываютъ не на одну внѣшнюю, хронологическую связь первыхъ со вторыми, но уже апріорно даютъ основаніе думать, что вторыя развились изъ первыхъ, были ихъ органическимъ продолженіемъ. Ближайшее сравненіе „Вѣдомостей“ съ курантами не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Мы здѣсь не имѣемъ въ виду входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса, такъ какъ детальный анализъ петровской газеты не составляетъ предмета настоящей работы.

Стоитъ хоть бѣгло перелистать нѣсколько номеровъ „Вѣдомостей“ [3]), чтобы убѣдиться, что въ отношеніи формы петровская газета повторяетъ писанные куранты; вчитываясь въ газету внимательно, мы замѣтимъ то же самое и относительно общаго характера изложенія. Куранты, какъ намъ извѣстно, составлялись изъ фактическихъ сообщеній, помѣщаемыхъ сряду безъ всякой внутренней связи, съ преобладаніемъ краткихъ извѣстій изъ самыхъ различныхъ городовъ, слѣдующихъ одно за другимъ наподобіе современныхъ газетныхъ телеграммъ. Точно такую картину представляютъ печатныя „Вѣдо-

---

логъ летуч. изданій и ихъ перепечатокъ“ (изъ собранія Н. Лихачева), С.-Пб. 1895 г., стр. 244, 254.

[1]) Несущественной для нашей задачи новостью были, между прочимъ, арабскія цифры, съ которыми, какъ видно изъ приведеннаго у Пекарскаго (т. II, стр. 66) документа, была набрана половина, т. е. 500 экземпляровъ.

[2]) См. „Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг.“, описан. В. Погорѣловымъ, М. 1903, ч. I, вып. IV Библ. Моск. Синод. Типогр.

[3]) См. „Вѣдомости времени Петра В.“, вып. I отъ 1703 до 1707 г. и вып. II отъ 1708 до 1719 г., М. 1903, 1906; эта великолѣпная перепечатка моск. синод. типографіи избавляетъ насъ отъ необходимости приводить образчики петровской газеты.

мости“: кромѣ сравнительно очень небольшого количества разныхъ донесеній, писемъ и реляцій, при чтеніи „Вѣдомостей“ такъ и мелькаетъ передъ глазами безконечная мозаика изъ голыхъ происшествій, случившихся въ Варшавѣ, Амстердамѣ, Парижѣ, Миланѣ, Вѣнѣ, Копенгагенѣ, Лондонѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ, Константинополѣ, Китаѣ и прочихъ главныхъ городахъ Европы и много рѣже—въ Псковѣ, Казани, Азовѣ, Сибири и другихъ мѣстахъ Россіи. Обиліе извѣстій изъ-за границы—еще черта, сближающая „Вѣдомости“ съ курантами. Иностранныя газеты и послѣ появленія всенародной прессы продолжаютъ давать основной матеріалъ для русскихъ газетъ, при чемъ попрежнему, какъ показываютъ заголовки рукописныхъ оригиналовъ послѣднихъ, получаетъ и переводитъ ихъ посольскій приказъ [1]). Сличая, какія иностранныя газеты были источниками для рукописныхъ газетъ за 1700—1702 гг. и какія для печатныхъ за 1703—1707 гг. [2]), мы приходимъ къ тому важному выводу, что „Вѣдомости“ берутъ матеріалъ изъ тѣхъ же заграничныхъ изданій, что и куранты, лишь пополняя и обновляя этотъ матеріалъ постепенно. Мало того: почерпаемый изъ иностранныхъ газетъ матеріалъ у до-петровской и петровской газетъ совершенно однороденъ, т. е. главное его содержаніе у тѣхъ и другихъ составляютъ военныя предпріятія. Преобладаніе военныхъ извѣстій, какъ мы знаемъ, характеризуетъ и остальные источники курантовъ; точно также „Вѣдомости о военныхъ и инѣхъ дѣлахъ достойныхъ знаніа и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ, и во иныхъ окрестныхъ странахъ“ и въ цѣломъ, какъ видно изъ самаго заглавія ихъ, имѣютъ по преимуществу баталическій характеръ.

Сходство „Вѣдомостей“ съ курантами въ отношеніи ихъ главнаго источника довершается той характерной черточкой, что петровская газета, подобно курантамъ, имѣетъ обыкновеніе [3]) передавать иностранныя извѣстія, касающіяся Россіи. Вотъ наудачу взятый примѣръ: „Изъ Вѣны Генваря въ 25 день. Бѣлоградскіе грамотки подтверждаютъ, что оттаманская порта опасается съ царскимъ величествомъ воину зачати, по тому что московское крѣпкое и добрѣ ученое войско ему салтану страшно“... („Вѣд.“ 1710 г. № 7, изд. моск. син. тип., вып. II, стр. 45).

---

[1]) См. „Матер. и оригин. Вѣдомостей“, стр. 3, 4, 6, 8, 9 и сл. (соотв. тексты).

[2]) См. таблицу иностр. газ. у Покровскаго, „Къ исторіи газ. въ Рос.“ стр. 38, 41.

[3]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что для „Вѣдомостей“ иностр. оригиналы переводились не цѣликомъ, а лишь въ выдержкахъ (см. „Матер. и ориг. Вѣд.“).

Обратимся къ оригинальному отдѣлу первой печатной газеты. Его составляютъ двѣ группы извѣстій: группа иностранныхъ и группа русскихъ извѣстій. Первая группа—это донесенія русскихъ пословъ касательно зарубежныхъ текущихъ событій [1]). Этотъ источникъ извѣстій въ журнальномъ смыслѣ не представлялъ ничего неожиданнаго: подобнаго рода самостоятельный русскій элементъ уже знали куранты, но только въ формѣ не дипломатическихъ, а агентурныхъ донесеній. Послѣднее обстоятельство, однако, не мѣняетъ факта, что составители „Вѣдомостей“ идутъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, когда обращаются къ сообщеніямъ изъ „окрестныхъ государствъ“ „провѣдывающихъ вѣстей“ соотечественниковъ.

Иначе стоитъ дѣло относительно второй группы извѣстій. Куранты освѣдомляли почти исключительно о событіяхъ внѣ Россіи и лишь изрѣдка воспроизводили европейскую оцѣнку русскихъ событій.

Въ „Вѣдомости“ же извѣстія о Россіи попадали не только случайно и окольнымъ путемъ: въ программу первой русской печатной газеты входило прямое отраженіе „случившихся въ Московскомъ государствѣ“ фактовъ, о которыхъ, согласно указу 16-го декабря, разныя вѣдомства должны были доставлять „о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ“ свѣдѣнія. Появленіе въ газетѣ, смѣнившей переводные куранты, хроники русской жизни, хотя и очень скудной и односторонней, было, несомнѣнно, замѣчательнымъ новшествомъ. Новый фактическій матеріалъ, сообщавшій объ оживленіи торговли, о движеніи промышленности, о распространеніи просвѣщенія въ странѣ и о другихъ выдающихся проявленіяхъ текущей дѣйствительности, главнымъ же образомъ о великой войнѣ со шведами, вполнѣ соотвѣтствовалъ той новой роли, которую по мысли Петра Перваго должны были играть печатныя всенародныя вѣдомости. Въ отношеніи новаго содержанія, новыхъ задачъ и наиболѣе существеннаго нововведенія—печатной гласности, петровская газета представляла по сравненію съ курантами огромный шагъ впередъ. Такимъ образомъ, изъ сравненія обѣихъ газетъ, наглядно выясняющаго ихъ сходство и различіе, мы видимъ, что „Вѣдомости“—это тѣ же куранты, перешедшіе въ высшую форму своего развитія. Подъ такимъ угломъ взглянулъ на дѣло и г. Покровскій, но остановился на полдорогѣ.

„Съ точки зрѣнія исторической эволюціи въ дѣлѣ русской газеты за первое время ея существованія былъ, несомнѣнно, прогрессъ. Онъ

---

[1]) О посольск. донесеніяхъ см. „Къ истор. газ. въ Рос.“ стр. 58—60.

выразился двояко: 1) въ томъ, что газета стала доступной для народа, 2) въ самой газетѣ является оригинальный отдѣлъ—самостоятельныя русскія статьи-реляціи“ [1]). Такъ рѣшаетъ г. Покровскій вопросъ о преемственной связи курантовъ съ „Вѣдомостями“. Прежде всего позволительно спросить: почему отдѣлъ русскихъ извѣстій въ „Вѣдомостяхъ“ г. Покровскій ограничиваетъ однѣми реляціями [2])? Г. Покровскій, кромѣ того, упускаетъ изъ виду то, что, со стороны внутренней, составляетъ главное отличіе „Вѣдомостей“ отъ курантовъ. Газета Петра I не была, какъ то говорятъ нѣкоторые, простымъ „справочнымъ листкомъ“ [3]). Ея роль сводилась не къ этому. Какъ мы выше видѣли, курантамъ не былъ чуждъ публицистическій элементъ, но къ этой особенности курантовъ были совершенно непричастны ихъ составители. Въ „Вѣдомостяхъ“ же публицистическая сторона, проходящая красной нитью черезъ всѣ ихъ номера, являлась вполнѣ отраженіемъ взглядовъ ихъ редакціи. Петровская газета содержала новости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, т. е. сообщала строго опредѣленный кругъ свѣдѣній. Выборъ извѣстій былъ предрѣшенъ; только тѣ изъ нихъ печатались во всеобщее свѣдѣніе, которыя, по соображеніямъ правительства, подлежали оглашенію; оно же рѣшало, что „достойно знанія и памяти“. Какъ показываютъ рукописные оригиналы „Вѣдомостей“, сырой матеріалъ, предназначаемый для печатнаго номера, подвергался самой строгой цензурной оцѣнкѣ и тщательной редакціонной обработкѣ; извѣстія о какихъ либо неудачахъ русскихъ вычеркивались, ставились въ скобки съ отмѣткой: „сей статьи межъ скобокъ въ народъ не печатать“, или заклеивались кусочками бумаги [4]). Эта идейная струйка, несмотря на сухость изложенія, чувствуется и при непосредственномъ чтеніи газеты. Первый листъ „Вѣдомостей“ начинается сообщеніемъ о числѣ вылитыхъ въ Москвѣ пушекъ. „На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубицъ и мартировъ вылито 400. тѣ пушки ядромъ—по 24, по 18 и по 12 фунтовъ. гоубицы бомбомъ

[1]) „Къ исторіи газ. въ Россіи“, стр. 93.

[2]) На стр. 62, Покровскій ошибочно указываетъ, что указъ о присылкѣ для газеты извѣстій изъ приказовъ, если не считать № 1 за 1703 г., вовсе не исполнялся. См., напр., № 14 за 1719 г., гдѣ имѣемъ цѣлый рядъ сообщеній, присланныхъ изъ разныхъ вѣдомствъ; см. также „Матер. и оригин. Вѣд.“, стр. 41 и д.

[3]) *В. Сиповскій*, „Исторія рус. словесн.“, С.-Пб., 1908, ч. II, стр. 80.

[4]) См. „Матер. и оригин. Вѣдом.“, стр. V, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 26 и др. Въ другихъ, однако, случаяхъ Покровскій опирается на эти данныя (см. въ его оч., напр., стр. 44, 47, 48, 56).

пудовые и полупудовые, мартиры бомбомъ девяти трехъ и дву пудовые и менше. И еще много формъ готовыхъ великихъ, и среднихъ къ литью пушекъ гоубицъ и мартировъ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болше 40.000 пудъ лежитъ". Если припомнимъ факты, то этотъ сухой перечень получитъ особое освѣщеніе. Дѣло было послѣ разгрома подъ Нарвой, гдѣ мы отдали Карлу всю свою артиллерію; чтобы создать новую, Петру пришлось переливать колокола на пушки, что, естественно, должно было волновать преданную завѣтамъ древняго благочестія массу. И вотъ Петръ, выпуская первый номеръ своей газеты, торопится предупредить, сколько вылито пушекъ. Онъ хочетъ успокоить, расположить въ свою пользу общественное мнѣніе, какъ бы говоря: „Не ворчите. Если мы жертвуемъ, за то достигаемъ результатовъ". Вотъ еще примѣръ. „Реляція о поведеніи бывшемъ въ Армее Его Царскаго Величества, маія съ 30 числа, 1711 і о бою съ турки, и о постановленіи вѣчного міра", напечатанная въ № 14 за 1711 г., по словамъ Пекарскаго, имѣла цѣлью устранить тѣ толки, какіе поднялись въ обществѣ по полученіи извѣстія о неудачѣ Прутской кампаніи; реляцію царь воспроизвелъ потомъ въ своемъ журналѣ, но съ такими измѣненіями, изъ которыхъ видно, почему наша армія, повидимому, очень удачно дѣйствовавшая, первая стала добиваться мира [1]). Газета была для Петра способомъ разговора съ народомъ, средствомъ пропаганды событій его царствованія; въ то же время она должна была вызывать любознательность въ русскомъ обществѣ, будить въ немъ интересъ къ новымъ вопросамъ, расширять его умственный кругозоръ. Въ общемъ, впрочемъ, Петръ отвелъ своему органу скромную роль, заполнивъ его столбцы малоинтереснымъ переводнымъ матеріаломъ, и въ этомъ, несомнѣнно, сказалось отрицательное вліяніе прототипа „Вѣдомостей"—курантовъ.

XI.

Мы убѣдились, насколько неосновательно ходячее мнѣніе о томъ, что будто бы наша пресса возникла по царскому указу 1702 года, какъ искусственная пересадка съ Запада, „вступивъ на русскую почву уже въ сформировавшемся видѣ" [2]). Но не будетъ ли по существу спра-

[1]) См. „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В." т. II, стр. 270; почти дословное повтореніе указанія Пекар., при полномъ о немъ умолчаніи, у Балицкаго „Зарожд. період. печ. въ Рос.", стр. 35.

[2]) *Балицкій*, „Зарожд. період. печати въ Россіи", стр. 7.

ведливымъ это мнѣніе, если mutatis mutandis приложимъ его къ допетровскимъ курантамъ? Отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Въ самомъ дѣлѣ куранты, хотя и не явились вдругъ, были у насъ какимъ-то чужеяднымъ растеніемъ, лишеннымъ общественнаго свѣта и тепла и прозябавшимъ исключительно благодаря бюрократическому уходу. Не согласиться ли въ такомъ случаѣ и съ тѣмъ утвержденіемъ, что русская пресса, въ противоположность западной, въ своемъ происхожденіи не имѣла подъ собой никакой общественной почвы, „явившись къ намъ“, по выраженію г. Покровскаго, „въ чужеземномъ нарядѣ“ [1]), по приказу свыше; что же касается широкой публики Московскаго государства, то она де не чувствовала никакой надобности въ періодическихъ изданіяхъ до тѣхъ поръ, пока власть имущимъ не удалось привить ей эту новую потребность. Но припомнимъ, что куранты, помимо воли власть имущихъ, попадали въ русское общество— фактъ, ясно доказывающій, что послѣднее не было лишено интереса къ происходящему на свѣтѣ, составляющаго, какъ мы знаемъ, подпочву повременной литературы. Затѣмъ не было ли у насъ, помимо курантовъ, какихъ-нибудь явленій, родственныхъ съ прессой?

Прежде всего обратимся къ нашей ранней лѣтописи. На первый взглядъ, лѣтопись ничего общаго не имѣла съ прессой. Изслѣдователи указываютъ, что лѣтописи родились изъ естественнаго желанія человѣка увѣковѣчить достопамятныя событія, сохранить воспоминаніе о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“ [2]), и, слѣдовательно, отличны по своему происхожденію отъ прессы, возникшей изъ другой природной потребности человѣка получать и другимъ передавать самыя свѣжія новости. Психологическій источникъ, изъ котораго явилась древнерусская лѣтопись, сообщилъ ей историческій характеръ по преимуществу: составляя свой трудъ на память „потомкамъ православныхъ“, лѣтописецъ не спѣшитъ записывать переживаемыя имъ событія: онъ любитъ оглядываться на давно совершившіеся факты, уже ставшіе для него „безмолвной и спокойной“ былью; онъ также не прочь повѣдать объ отдаленныхъ временахъ сѣдой старины. Но совершенно иную картину представляетъ та же лѣтопись, если къ ней подойти съ другой стороны: мы имѣемъ, прежде всего, въ виду встрѣчающіяся

[1]) „Къ истор. газ. въ Россіи“, стр. 96.

[2]) См. *Сухомлиновъ*, „О древ. Рус. лѣтописи какъ памятн. литерат.“ въ „Учен. Зап. II отд. Имп. Ак. Н.“, С.-Пб. 1857, кн. III, стр. 2; *И. Срезневскій*, „Чтенія о древ. рус. лѣтописяхъ“ въ „Записк. Имп. Ак. Н.“, С.-Пб. 1862 г., т. II, прилож. 4, стр. 10.

въ лѣтописи коротенькія извѣстія, сообщающія, нерѣдко съ указаніемъ не только дня, но и часа, о только-что случившихся происшествіяхъ [1]).

Эти отрывочныя замѣтки, говорящія о походахъ на враговъ, о рожденіи или смерти князей, о необычайныхъ явленіяхъ въ природѣ, о тѣхъ или другихъ фактахъ, поражающихъ воображеніе современниковъ, очень напоминаютъ по духу и изложенію знакомый намъ газетный матеріалъ, который мы сравнивали съ нынѣшними телеграфными сообщеніями. Мало того: подобныя записи, заносимыя по горячимъ слѣдамъ событій, въ связи съ пробивающейся въ нашей лѣтописи вообще публицистической струей, дѣлаютъ лѣтописца изъ безстрастнаго историка типичнымъ журналистомъ, непосредственно откликающимся на текущую дѣйствительность, близко стоящимъ къ обществу, раздѣляющимъ его интересы и запросы. По справедливому замѣчанію Хрущова, древній русскій лѣтописецъ бывалъ очевидцемъ и даже участникомъ описываемыхъ событій, онъ нерѣдко „погружался въ страстныя волны житейскаго моря“ [2]). Распространенное мнѣніе о знаменитой объективности лѣтописнаго разсказа требуетъ существенной оговорки. Составителю лѣтописи далеко не всегда удается сохранить свое эпическое спокойствіе: мы чувствуемъ иногда, какъ онъ волнуется при передачѣ злободневныхъ фактовъ; въ приговорахъ лѣтописца нерѣдко сквозитъ пристрастное отношеніе къ тѣмъ или другимъ князьямъ и городамъ, проглядываютъ опредѣленныя симпатіи и антипатіи; политическое настроеніе лѣтописца иногда выражается въ тенденціозной обработкѣ даже такихъ давнихъ фактовъ, которые сохранило лишь преданіе [3]). Если припомнить, что лѣтопись велась и списывалась по всѣмъ угламъ русской земли [4]), то необходимо придти къ заключенію, что древне-русская лѣтопись заключала въ себѣ элементъ, совмѣщающій необходимые признаки всякой зародышевой прессы, и, такимъ образомъ, на ряду съ другими ея задачами, испол-

[1]) См. *Хрущовъ*, „О древне-рус. историч. сказаніяхъ и повѣстяхъ“, „Унив. изв.“, 1877 г. № 2, стр. 166; *А. Шахматовъ*, „Разысканія о древнѣйш. русск. лѣтоп. сводахъ“, въ „Лѣтописи занятій Имп. Археограф. комис.“ за 1907 (вып. 20), стр. 515; *И. Срезневскій*, „Древ. памят. рус. письма и языка“, С.-Пб. 1882, изд. 2, стр. 235, 236.

[2]) Назв. оч., стр. 163.

[3]) См. *Шахматовъ*, назв. изслѣд., м. проч., стр. 97, 249—251, 293, 420—422, 477; *Хрущовъ*, назв. оч., стр. 162; *Ключевскій*, „Курсъ рус. истор.“, ч. I, стр. 109.

[4]) *Ив. Забѣлинъ*, „Исторія рус. жизни съ древнѣйш. временъ“, ч. I (2-е изд., М. 1908), стр. 445 и сл.

няла функцію журнализма. Важно еще отмѣтить, что наша лѣтопись представляла явленіе самобытное по мысли и отчасти по формѣ [1]) и что она была не только достояніемъ, но и созданіемъ всего грамотнаго русскаго общества. „Наша лѣтопись, можно сказать, выросла на собственной нивѣ, изъ собственнаго зерна, воздѣлана собственными руками самого народа“ [2]). Интересно было бы прослѣдить журналистскій элементъ черезъ всю исторію русской лѣтописи. Но подобный анализъ могъ бы составить предметъ спеціальной работы. Ограничимся только двумя важными для насъ указаніями, относящимися къ дальнѣйшей судьбѣ лѣтописной дѣятельности на Руси.

Прежде всего обращаемъ вниманіе на замѣчательную запись при книгѣ поученій отца церкви Ефрема Сирина [3]), сдѣланную переписывавшимъ книгу въ 1377 г. дьякомъ Владычкой. Запись эта содержитъ извѣстіе о нападеніи иноплеменниковъ на Нижній Новгородъ въ томъ же 1377 г. и была занесена непосредственно послѣ событія или еще до окончанія его, такъ какъ писцомъ оставлено мѣсто (6 строкъ) для дописанія извѣстія. Замѣтка Владычки о нашествіи татаръ слишкомъ напоминаетъ лѣтописныя записи, и можно думать, что она составлена была на основаніи какой либо первичной помѣты лѣтописца. Впрочемъ, и для книжныхъ записей, и для лѣтописныхъ извѣстій могъ быть одинъ общій источникъ, именно официальныя рукописныя сообщенія, посылаемыя съ театра войны въ извѣстныя мѣста [4]). Затѣмъ упомянемъ о „Ермолинской лѣтописи“ XV ст., названной такъ по имени зодчаго Василія Дмитріева Ермолина, по заказу котораго она была составлена. Въ ней мы находимъ двѣ любопытныя статьи, въ которыхъ „слышится голосъ современника о событіяхъ, поразившихъ его своею жгучею дѣйствительностью; разсуждая о нихъ, онъ раскрываетъ свою душу, прибѣгая при этомъ то къ энергическому обличенію, то къ жестокой насмѣшкѣ“ [5]). Такимъ образомъ, ихъ авторъ-лѣтописецъ въ своемъ отношеніи къ современности является не безстрастнымъ излагателемъ. Напротивъ, съ тем-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, назв. изсл., стр. 45.

[2]) Назв. соч., стр. 445; см. еще стр. 550—562.

[3]) См. рукоп. ак. наукъ № 31. 7. 2, посл. листъ.

[4]) См. *И. Срезневскій*, „Древ. памятн. рус. письма и яз.“, стр. 232—236, его же „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстн. и неизвѣстн. памятникахъ“ въ Сборн. II отд. Имп. Ак. Н., т. I (С.-Пб. 1867), стр. 58—64.

[5]) *А. Шахматовъ*. „Ермолинская лѣтопись и Ростовскій владычній сводъ“. Изв. II отд. Имп. Ак. Н., т. VIII (1903 г.), кн. 4, стр. 77, 80.

пераментомъ независимаго публициста онъ рѣзко осуждаетъ (подъ 1462 г.) великаго князя за казни, отъ которыхъ русскіе люди „во мнозѣ быша ужасѣ и удивленіи“; мало того: онъ съ недовѣріемъ и даже съ насмѣшкой отзывается (подъ 1463 г.) объ открытыхъ въ Ярославлѣ мощахъ [1]).

Отъ общенародной лѣтописи перейдемъ къ лѣтописи придворныхъ церемоній, возникшей не ранѣе конца XV ст.

Мы имѣемъ въ виду разрядныя книги мѣстничества, сожженныя при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и изданныя въ наше время по частнымъ спискамъ подъ названіемъ „Дворцовыхъ разрядовъ“ [2]). Онѣ заключали въ себѣ, главнымъ образомъ, извѣстія о царскихъ выходахъ и выѣздахъ, о пріемахъ, встрѣчахъ и отпускахъ иностранныхъ пословъ, о столахъ съ чинами, о царскихъ свадьбахъ и вообще о тѣхъ событіяхъ двора, которыя сопровождались мѣстническими счетами; всѣ эти случаи мѣстничества, а также приговоры о нихъ записывались въ хронологическомъ порядкѣ, по днямъ. „Повсядневныя дворцовыя записи“ составлялись въ Разрядномъ приказѣ и носили, слѣдовательно, офиціальный характеръ, но желавшіе имѣть ихъ у себя заказывали копіи съ нихъ.

Впрочемъ, эти списки обращались, вѣроятно, исключительно среди бояръ, и потому объ общественной роли „Дворцовыхъ разрядовъ“ говорить не приходится. Мы на нихъ останавливаемся по слѣдующимъ соображеніямъ. „Повсядневныя“ извѣстія, какъ документы мѣстничества,—офиціальные ли или частные, безразлично,—не могли имѣть характера прессы. Тѣмъ не менѣе мы находимъ въ нихъ нѣчто весьма близко подходящее подъ понятіе газеты. Прежде всего эти „записки“ держали своихъ читателей au courant событій ежедневной жизни. Правда, что кругъ читателей „записокъ“ не соприкасался съ толщей грамотной массы, но это только потому, что онѣ не были для нея предназначены; въ противномъ случаѣ „повсядневныя дворцовыя записки“ сдѣлались бы достояніемъ тогдашняго читающаго большинства,

---

[1]) Тамъ же, стр. 81, 82, 83—86.

[2]) См. „Дворцовые разряды, по Высочайш. повелѣнію изд. II отд. собств. Его Имп. Велич. Канцеляріи“ 4 т. (съ 1612 по 1701 г.). С.-Пб. 1850—1856; см. еще „Повсядневныхъ дворцовыхъ времени государей царей и велик. князей Михаила Ѳеодоровича, и Алексѣя Михайловича, Записокъ“, 2 ч. (съ 1632 по 1665 г.) Печат. при Моск. Университ. 1769 г.; обзоръ споровъ за мѣста въ періодъ отъ 1613 по 1675 г. А. Зернина въ „Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній, относ. до Россіи“ Н. Калачова, 1861 г., кн. III, отд. I, стр. 1—138.

судя по любопытному матеріалу, сообщаемому ими: не говоря уже о многихъ извѣстіяхъ изъ придворнаго быта, которыя могли представлять интересъ для всѣхъ русскихъ людей, въ „Дворцовые разряды“ нерѣдко попадали такія свѣдѣнія, которыя мы привыкли встрѣчать на столбцахъ теперешнихъ газетъ подъ рубрикой хроники городскихъ фактовъ. Приведемъ кое-какіе образчики: „Того жъ мѣсяца ноября въ 11 день (1655 г.) въ Смоленску былъ у Государя Свѣйской посланникъ. А приставъ былъ у посланника сотникъ стрѣлецкой Алексѣй Лужинъ“ (см. Дополненія къ т. III „Дворцов. разряд.“ С.-Пб. 1854, столб. 10). „Іюля въ 14 день (1630 г.) родилася Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи дщерь Царевна и Великая Княжна Анна Михайловна“. („Дворц. разр.“, т. II, ст. 156). Подъ 19 днемъ генваря 1620 г. сообщается, что у государя былъ посланникъ шведскій. Назначенный въ рынды Иванъ Петр. Чихачовъ сказался больнымъ, „отбаливаясь“ отъ князя А. Шаховского. Бояре, по государеву указу, послали „по Ивана“ и присудили бить его кнутомъ за безчестье Шаховского. Но думный дьякъ Томило Луговской со словами: „долго де того ждать“ вырвалъ у Чихачова одинъ изъ посоховъ, на которые тотъ опирался, и принялся бить его по спинѣ и по ногамъ. Бояринъ же Ив. Ник. Романовъ схватилъ другой посохъ и также сталъ бить Ивана Петровича, приговаривая: „не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру“. („Дворц. разр.“, т. I, ст. 435, 436). 1 генваря 1654 г., по случаю пріѣзда грузинскаго царевича, въ Грановитой палатѣ былъ отправленъ столъ съ чинами (опускаемъ подробное описаніе церемоніала). Послѣ стола Дм. Волынскій билъ челомъ государю на князя Ив. Андр. Хилкова, что „ему съ нимъ быть невмѣстно“. За безчестье послѣдняго царь указалъ бить челобитчика батогами (т. III, ст. 386 — 389). Того же 1675 года, іюня въ 11 день былъ пожаръ въ Китаѣ городѣ. Загорѣлось въ 3-мъ часу ночи. Пожаръ былъ большой и погорѣли многіе дворы. А присутствовали на пожарѣ окольничій князь Ив. Пет. Баратынскій, думный дьякъ Лар. Ивановъ, дьяки земскаго приказа, „да головы и полуголовы всѣ своими приказы да земскіе ярышки съ трубами, и съ парусы, и съ крюки и съ щиты“. (т. III, ст. 1457).

„Того жъ году, Іюня въ 14 день, изволеніемъ Божіимъ, были громы великіе и молніи большіе. И того числа ѣхалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій изъ Подмосковской своей вотчины изъ села Выхина, и его на дорогѣ самого оглушило и во всемъ раздробило; да у него жъ дву робятъ верховыхъ, которые съ нимъ сидѣли

въ каретѣ, оглушило жъ, и привезли къ Москвѣ чють живыхъ и нынѣ лежатъ при смерти"... (т. III, ст. 1464). Того же года, іюня въ 16 день, сыщику Ивану Федорову указано ѣхать „не мѣшкавъ въ Лухъ, для того что многое воровство и разбои по дорогамъ учинились" (т. III, ст. 1466). „Того жъ (1674) года была у Великаго Государя, въ селѣ Преображенскомъ, комедія и тѣшили его Великаго Государя иноземцы: „какъ Алаѳерна царица царю голову отрѣзала" и на органехъ играли". Тѣшили его „нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева".

Того же года была у великаго государя „потѣха на заговѣнье, а тѣшили его иноземцы нѣмцы да люди боярина Арт. Серг. Матвѣева на арганахъ, и на фіоляхъ и на страментахъ, и танцовали и всякими потѣхами разными" (т. III, ст. 1131, 1132).

Вотъ еще сѣмя, брошенное робкой рукой; посѣянное глубже, оно дало бы всходы: мы говоримъ о другомъ типѣ ежедневныхъ записей, составлявшихъ нѣчто въ родѣ придворнаго вѣстника. По словамъ Забѣлина, въ XVII в. во дворцѣ изо дня въ день составлялись особыя вѣдомости о состояніи погоды и дворцовомъ караулѣ, въ которыя заносились также всѣ царскіе выходы и выѣзды, посольскіе пріемы, церковныя службы и разныя другія событія. Эти вѣдомости назывались „дневальными записками". Приводимъ, для образца, выдержку изъ нихъ: „Маия въ 23-й день (1657 г.), въ субботу слушалъ государь божественныя литургіи въ селѣ Введенскомъ въ церкви. А послѣ обѣдни до кушанья тѣшился государь на полѣ птицами. А кушанье было въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день до обѣда былъ вѣдренъ, а послѣ обѣда пасморенъ, а въ ночи тепло" [1]).

Уже изъ этихъ фактовъ выносимъ представленіе о томъ, что на Руси общественная мысль, какъ офиціальная, такъ и народная, и помимо Запада всегда искала путей для того, чтобы слѣдить за новостями дня.

Кромѣ намѣченныхъ явленій, наше вниманіе останавливаетъ на себѣ еще цѣлый рядъ другихъ фактовъ до-петровской письменности. Таковы окружныя грамоты, подметныя письма, сборники, записи устныхъ разсказовъ и пр.

Сродство окружныхъ, т. е. разсылавшихся по разнымъ городамъ грамотъ [2]) съ прессой внѣ сомнѣнія. Оговариваемся, что мы имѣемъ

[1]) „Домашній бытъ рус. царей въ XVI и XVII ст.", ч. I, стр. 239—243 (М. 1862) или стр. 301—306 въ 3-мъ изд. (М. 1895).

[2]) См. „Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ" и „Акты Археографич. Экспедиціи".

въ виду не тѣ правительственныя грамоты, которыя заключали въ себѣ тѣ или другія повелѣнія и сообщенія дѣлового содержанія, но тѣ грамоты какъ официальнаго, такъ и неофиціальнаго характера, которыми Русь оповѣщалась о выдающихся событіяхъ злободневности. Это были своего рода летучіе листки, замѣнявшіе всенародное чтеніе газетъ: грамоты приходили въ города и веси, звономъ колоколовъ собирали „всенародное множество всѣхъ православныхъ христіянъ“ [1]), и служилыхъ людей, и дворянъ и бояръ и дѣтей боярскихъ, и гостей и всякаго званія людей и во всеуслышаніе разсказывали важныя новости. Окружныя грамоты, правда, не отличались постоянствомъ и срочностью, но эти необходимые признаки всякаго органа современной журналистики не слѣдуетъ считать свойственными журналистикѣ первоначальной. Интересующія насъ грамоты не только разсказывали о текущихъ событіяхъ, но нерѣдко истолковывали ихъ смыслъ, убѣждали въ важности тѣхъ или другихъ мѣропріятій, доказывали неизбѣжность случившагося,—словомъ, стремились къ направленію народной мысли и настроенія. Летучія подобно газетамъ, окружныя грамоты по характеру распространенія своихъ извѣстій въ то же время напоминаютъ намъ проповѣди, также исполнявшія (что для нашей задачи важно отмѣтить), когда и насколько это позволяли условія времени, роль газетной прессы.

Укажемъ нѣсколько образцовъ окружныхъ грамотъ. Къ знаменитымъ въ исторіи окружнымъ грамотамъ принадлежатъ увѣщательныя грамоты Гермогена, Ляпунова, Пожарскаго и извѣстныя грамоты правительства В. И. Шуйскаго. Остановимся на послѣднихъ. Какъ извѣстно, Василій Шуйскій былъ избранъ не земскимъ, всероссійскимъ соборомъ, а только московскимъ боярствомъ, свергнувшимъ самозванца Лжедимитрія. Партія Шуйскаго поэтому старалась найти себѣ опору въ умахъ русскихъ людей. Но масса была сильно смущена ужасной расправой съ ея любимцемъ. И вотъ Шуйскій и его бояре, чтобы расположить общественную мысль въ пользу новаго государя, разсылаютъ въ города грамоты, въ которыхъ оправдывается совершенный переворотъ и доказывается законность вѣнчанія Василія [2]). Таковы, напримѣръ, окружная грамота отъ бояръ во всѣ

[1]) См. окруж. грамоту патріарха Іова отъ 15-го марта 1598 г. въ „Акт. Арх. Эксп.“, т. II, (С.-Пб. 1836), стр. 2.

[2]) О грамотахъ, относящ. къ 1606 г., см., между проч., у *С. Платонова*: „Древне-рус. сказанія и повѣсти о Смут. врем. XVII в., какъ историч. памятникъ“ (С.-Пб. 1888), стр. 45, 46 и др.

россійскіе города о сверженіи еретика „Гришки Отрепьева“, хотѣвшаго „истинную христіанскую вѣру попрати и учинити латынскую вѣру“, и избраніи на всероссійскій престолъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, окружная грамота отъ самого царя объ убіеніи самозванца и воцареніи его, Шуйскаго, по общему желанію всякихъ людей и объ учиненіи ему присяги вѣрности, его же „извѣстительная“ грамота, подробно объясняющая причины расправы съ „чернокнижникомъ“: похищеніе „злодѣемъ“ россійскаго престола, сношенія его съ папой, заговоръ его противъ лучшихъ бояръ и другіе преступные замыслы противъ всего государства „того вора и разстриги“, котораго „царица Марѳа изъ страха только признала своимъ сыномъ“ и т. д., окружная грамота отъ царицы инокини Марѳы Ѳедоровны къ воеводамъ сибирскихъ городовъ объ убіеніи Лжедимитрія Отрепьева и избраніи на россійскій престолъ царя Шуйскаго, о созваніи всѣхъ городскихъ обывателей въ соборныя церкви для прочтенія грамоты во всеуслышаніе и всенародномъ молебствіи [1]). Отмѣтимъ еще грамоту 1611 г. отъ москвичей въ разные города, оповѣщающую страну о насиліяхъ, совершаемыхъ надъ ними поляками, и призывающую ее къ мщенію [2]), и ободрительную грамоту 1613 г. объ избраніи Михаила всей землей на царство, возвѣщающую, что новоизбранный государь „утолитъ“ междоусобіе въ Московскомъ государствѣ и избавитъ народъ отъ всякихъ бѣдствій [3]). Окружныя грамоты нерѣдко какъ нельзя лучше отражали преходящее настроеніе страны. То же самое слѣдуетъ сказать и про подметныя письма.

Напомнимъ общеизвѣстный фактъ, что „прибыльщикъ“ Алексѣй Курбатовъ подметнымъ письмомъ сообщилъ Петру проектъ введенія гербовой бумаги [4]). Въ наши дни это было бы сдѣлано путемъ анонимной статьи въ газетахъ. Подметныя письма, вѣроятно, ходившія всегда у насъ, пользовались особеннымъ распространеніемъ въ Смутное время и вполнѣ отвѣчали запросамъ данной минуты. Содержаніемъ этихъ летучихъ листковъ, какъ показываетъ само названіе ихъ, главнымъ образомъ, служили такія злобы дня, о которыхъ нельзя было говорить открыто. Подметныя письма, такимъ образомъ, напрашиваются на сравненіе съ такими явленіями западной журналистики,

[1]) См. „Собр. Госуд. грам. и догов.“, ч. II, стр. 300—301, 302—304, 308—313, 306—308.

[2]) Тамъ же, стр. 325.

[3]) „Собр. Госуд. грам. и догов.“, ч. I, стр. 1003—1010.

[4]) *Соловьевъ*, „Ист. Рос.“, т. 14 (М. 1871), стр. 284.

какъ парижскія nouvelles à la main, появившіяся въ концѣ XVI в. и просуществовавшія параллельно съ печатными газетами, несмотря на преслѣдованія со стороны властей, до конца XVIII ст. [1]). Любопытный образчикъ подметнаго письма представляетъ изслѣдованная проф. С. Платоновымъ „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ“, посвященная событіямъ Смутнаго времени. Авторъ этого публицистическаго произведенія, непосредственно реагируя на текущую дѣйствительность, доказываетъ необходимость вооруженнаго возстанія противъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. „Какъ живой голосъ русскаго человѣка, возмущеннаго иноземнымъ господствомъ и поведеніемъ боярства, но въ то же время боящагося этой ненавистной власти, Новая Повѣсть вскрываетъ тѣ чувства и мысли, какія общи были многимъ москвичамъ въ любопытный историческій моментъ“ [2]). Само собой разумѣется, что намѣченный типъ подметныхъ листовъ не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ безыменнымъ письмамъ, которыя „подметывали“ доносчики [3]).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о рукописныхъ сборникахъ русскихъ „списателей“ соотвѣтственно той точкѣ зрѣнія, съ которой мы подходимъ къ явленіямъ нашей старой письменности. Мы воспользуемся относящимся сюда цѣннымъ указаніемъ, которое даетъ намъ Л. Майковъ. По мнѣнію автора „Очерковъ по исторіи русской литературы XVII и XVIII ст.“, подобіе періодической печати въ до-петровское время слѣдуетъ искать въ рукописныхъ именно сборникахъ, а не въ курантахъ. Оставимъ въ сторонѣ мнѣніе Л. Майкова о курантахъ, не основанное на непосредственномъ знакомствѣ съ ними, и обратимся къ изложенію его замѣчаній касательно сборниковъ.

Наши рукописные сборники (рѣчь идетъ, конечно, о русскихъ самостоятельныхъ сборникахъ) не рѣдко составлялись по заранѣе намѣченному типу, служа отвѣтомъ на извѣстные запросы своихъ многочисленныхъ читателей. Кромѣ статей историческаго содержанія, мы встрѣчаемъ въ нихъ извѣстія о событіяхъ недавнихъ и вполнѣ

---

[1]) См., между проч., *К. Бюхеръ*, „Происхожденіе газеты“, стр. 23—25. Л. Майковъ сравниваетъ съ nouvelles à la main ходившія у насъ въ XVIII ст. открытыя письма, распространявшіе не подлежавшіе оглашенію въ печати факты („Оч. изъ ист. рус. лит.“, стр. 378—379).

[2]) См. „Древнерус. сказ. и пов. о Смут. вр.“, стр. 86, 87, 96, 97, 102 и др.

[3]) См. дѣло о „подметномъ письмѣ 1728 г.“, представл. собой ложный извѣтъ изъ дѣлъ Преображ. приказа, въ „Рус. Старинѣ“ за 1880 г., т. 28, май, стр. 125—131.

современныхъ; были даже особые сборники, посвященные явленіямъ текущей жизни.

Составители сборниковъ почерпали матеріалъ и непосредственно изъ жизни, и изъ современной журналистики. Извѣстно, что въ сборники XVII в. попадали свѣдѣнія изъ курантовъ; въ XVIII в. въ сборники переписывались статьи изъ печатныхъ газетъ. Черезъ сборники тогдашняя публика знакомилась съ неподлежавшими оглашенію не только зарубежными (по отрывкамъ изъ курантовъ), но и русскими новостями дня [1]). Связь сборниковъ съ современной имъ прессой, такимъ образомъ, та, что они послѣднюю иногда замѣняли, иногда повторяли или дополняли. Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать значеніе этого еще мало изученнаго факта; но несомнѣнно, что въ сборникахъ должна быть признана наличность нѣкоторыхъ существенныхъ, съ точки зрѣнія прессы, задатковъ. Въ дополненіе изложеннаго, отмѣтимъ еще одинъ очень любопытный элементъ, встрѣчающійся въ сборникахъ. Какъ было сказано, въ нѣкоторыхъ сборникахъ появлялись выдержки изъ журналовъ. Но кромѣ этихъ переводныхъ извѣстій изъ-за границы, въ сборникахъ попадаются также оригинальныя статьи, сообщающія о текущихъ дѣлахъ внѣ Россіи. Данныя статьи представляютъ собой записи устныхъ сообщеній о событіяхъ въ чужихъ земляхъ. Подобныя записи являются съ точки зрѣнія нашей спеціальной задачи въ высшей степени любопытнымъ фактомъ. Свѣдѣнія о нихъ мы находимъ въ изслѣдованіи А. Соболевскаго о переводной литературѣ до-петровской эпохи.

Записываніемъ устныхъ разсказовъ занималось, главнымъ образомъ, правительство. Живой интересъ къ тому, что дѣлалось за рубежомъ Россіи, заставлялъ московскихъ государственныхъ людей XV—XVII в. усердно собирать и записывать „вѣсти“; между прочимъ, добывали свѣдѣнія о чужихъ земляхъ путемъ разспросовъ пріѣзжихъ иностранцевъ и русскихъ. Записи такихъ разспросныхъ рѣчей, касавшіяся, главнымъ образомъ, международной политики, дошли до насъ въ приказныхъ дѣлахъ. Но болѣе любопытныя сообщенія, представлявшія общій интересъ, не оставались канцелярской тайной и дѣлались достояніемъ рукописныхъ сборниковъ. Впрочемъ, и частнымъ образомъ, хотя бы высокопоставленными людьми, иногда записывались „сказки“ пріѣзжихъ. Содержаніе подобныхъ статей составляли самые различные предметы, напримѣръ, землетрясеніе въ Царь-

[1]) См. „Нѣсколько данныхъ для ист. рус. журналистики“, стр. 378—380.

градѣ, притѣсненія славянъ-христіанъ со стороны турокъ, чудеса Сивильскаго царства, монастыри въ греческой землѣ, достопримѣчательности Египта и т. п. [1]).

Заслуживаютъ еще упоминанія, такъ называемые, „фряжскіе листы“, т. е. летучія гравюры на мѣди и на деревѣ, привозимыя къ намъ съ Запада и копируемыя потомъ доморощенными мастерами. Эти заморскія картинки появляются въ Россіи еще въ XVI ст. Благодаря необычайной дешевизнѣ и разнообразію содержанія онѣ пользовались у насъ самымъ широкимъ распространеніемъ: ими забавлялись малолѣтніе царевичи и царевны, украшались стѣны въ палатахъ, богатыхъ домахъ и простыхъ избахъ, удовлетворялась любознательность грамотеевъ, извлекавшихъ изъ заморскихъ картинъ свѣдѣнія о разныхъ предметахъ научнаго или злободневнаго характера. А „въ обиходной жизни мало грамотнаго населенія“, по словамъ Д. Ровинскаго [2]), „картинки замѣняли и газеты, и нынѣшнія афиши: народъ находилъ въ нихъ извѣстія о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ на небѣ и на землѣ, о рожденіи необыкновенныхъ уродовъ“ и тому подобныхъ происшествіяхъ. Съ XVII ст. фряжскими листами бойко торговали въ Овощномъ Ряду и особенно у Спасскихъ воротъ, гдѣ съ утра до ночи подъ открытымъ небомъ толкался разный людъ [3]). Въ этомъ „народномъ толкучемъ клубѣ“, по выраженію Ровинскаго [4]), ежедневно дѣлились различными вѣстями; новости дня комментировались бывалыми людьми и разносились офенями по городамъ и селамъ; здѣсь было царство устной газеты, дополнявшей и лѣтопись, и грамоты, и куранты, и прочія записи текущихъ событій, въ которыхъ многое оставалось недосказаннымъ, если не вовсе обходилось молчаніемъ...

Напомнимъ въ заключеніе, что еще съ конца XV ст. у насъ пользовались распространеніемъ переводы наиболѣе любопытныхъ изъ западныхъ летучихъ листковъ и газетныхъ статеекъ и что задолго до Петра въ сосѣднихъ государствахъ печатались нужныя нашему правительству извѣстія о русскихъ дѣлахъ [5]).

---

[1]) „Перевод. литер. Моск. Руси XIV—XVII в.“, стр. 383—396.

[2]) „Русскія народныя картинки“, кн. V, сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. XXVII (Спб. 1881), стр. 73.

[3]) О фряжскихъ листахъ см. *Ровинскій*, назв. соч., кн. V, стр. 12, 25—28, 37 и д.; *Забѣлинъ*, „Домашній бытъ русск. царей“, ч. I (М. 1895), стр. 219—221; *П. Милюковъ*, „Оч. по исторіи рус. культуры“, ч. III (1901), стр. 95.

[4]) Тамъ же, стр. 25.

[5]) Не довольствуясь „учено-литературными похожденіями“ Гюйссена, Петръ одно

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что Россія офиціальная и неофиціальная, одинаково, искони чувствовала потребность въ періодической прессѣ и искала путей для выраженія этой потребности. Петръ былъ лишь исполнителемъ давно назрѣвшей общественной потребности, когда принятыя имъ изъ рукъ государственныхъ людей XVII в. приказныя вѣсти превратилъ въ общенародныя „Вѣдомости“. Онъ довершилъ завѣщанное ему предшественниками дѣло сообразно тѣмъ возможностямъ, которыя подсказывали исконныя явленія офиціальной, а главное—народной жизни, и лишь въ томъ, какъ онъ сумѣлъ разрѣшить поставленную ему самой жизнью задачу, проявилась геніальность преобразователя въ данной области.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

время подумывалъ объ изданіи русской газеты за границей (см. *Пекарскій*, „Наука и лит. при П.“, т. II, стр. 313). Кромѣ того, какъ извѣстно, его „Вѣдомости“, по мысли преобразователя, должны были сообщать новости не только московскаго, но и „окрестныхъ государствъ людямъ“; была ли за-границей, болѣе или менѣе, распространена петровская газета, это трудно рѣшить. Думаемъ, однако, что этого дѣла Петръ не успѣлъ наладить, судя по всеподданнѣйш. докладу Ак. Наукъ отъ 2 авг. 1727 г. о разрѣшеніи „не токмо въ своемъ, но и въ другихъ продавать“ печатаемые на нѣмецкомъ языкѣ куранты (ст. текущія дѣла Академической канцеляріи 1727 г., напечат. въ „Матеріалахъ для исторіи Имп. Ак. Н.“ (С.-Пб. 1885, подъ ред. М. Сухомлинова) т. I, стр. 268).

ОИК-№52125

Магазин 4б
Магазин 4б
10 р.

10
3362/7В

М
3

ДФ VIII 1953